
Невеста
для проклятого
императора

Амалия Лонг

Невеста для проклятого Императора

«Литнет»
2026

Лонг А.

Невеста для проклятого Императора / А. Лонг — «Литнет», 2026

Я очнулась в ледяной воде чёрного озера, в чужом теле. Я — травница. И единственная, кто может снять проклятие, которое триста лет пожирает императорский род Вэлнес. Император Данияр Вэлнес — молодой, холодный, смертельно красивый. За три года он похоронил восемь невест. Они влюблялись в него — и умирали. Проклятие не прощает любви.# Я не хочу быть его женой. Мне плевать на титул. Я хочу в лес — там, где меня ждёт тайна первой травницы. Но замок не выпускает. Призраки — его бывшие невесты — шепчут мне по ночам: «Не смей влюбляться. Иначе ты — следующая». Я не влюблюсь. Он холоден, высокомерен и не дарит даже взгляда. Но почему тогда его руки дрожат, когда он вынужден прикасаться ко мне? И почему чёрное озеро загорается зелёным каждый раз, когда мы оказываемся рядом? Проклятие нельзя снять золотом или властью. Только жертвой. Только сердцем. Один шанс на двоих. И цена — моя память о мире, где я родилась. Готовы ли вы полюбить того, кто убьёт вас своей любовью? Тёмное романтическое фэнтези. Медленное сгорание. Призраки, проклятие, дворцовые интриги. Фиктивный брак → настоящие чувства. Его взгляд Её характер Хэппи-энд для этой пары. Но проклятие рода продолжит жить. Следующая книга — о других.

© Лонг А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Попаданка 5
Глава 2. Верея 9
Визуал главы 2. 13
Глава 3. Замок 14
Глава 4. Первый взгляд 18
Глава 5. Призрак за его спиной 21
Глава 6. Сделка с ледяным сердцем 25
Глава 7. Северное крыло 28
Глава 8. Ужин с монстром 32
Глава 9. Лекарь 36
Глава 10. Гадалка Тали 39
Визуал главы 10. 42
Глава 11. Первое покушение 43
Глава 12. Ночь в кресле 46
Глава 13. Совет лордов 49
Глава 14. Бал зимнего двора 52
Визуал к главе 14. 58
Глава 15. Женщина в серебре 59
Глава 16. Заговор 63
Глава 17. Чёрный рассвет 68
Глава 18. Тот, кто трогал кубок 73
Глава 19. Чужие среди своих 79
Глава 20. Талиэль 84
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Глава 1. Попаданка

Вода была везде.

Я открыла рот, чтобы закричать, — и вместо крика в горло хлынуло холодное, чёрное, воняющее железом и тишиной. Лёгкие взорвались болью, будто кто-то сунул туда раскалённую кочергу. Я захлёбывалась. Не поэтично, не красиво — как собака, как кошка, как любое живое существо, которое поняло, что сейчас умрёт.

Я дёргалась. Руки молотили воду, ноги скребли пустоту. Я пыталась всплыть, но тело не слушалось — оно было чужим, тяжёлым, его тянуло вниз, к чёрным камням, которые я мельком увидела перед тем, как всё погасло. Камни с письменами. Свет зелёный, пульсирующий. И Алиса.

Алиса парила между ними, как кукла, с открытыми глазами и спокойным лицом.

— Алиса! — хотела крикнуть я.

Вместо этого я вдохнула воду.

Она залилась в трахею, в бронхи, в самые мелкие ответвления лёгких. Я почувствовала, как она добирается до каждой клетки, как холод растекается изнутри. Это была не боль. Это была паника в чистом виде. Твоё тело кричит «дыши!», а дышать нечем. Ты задыхаешься минуту, вторую, третью — хотя кажется, что прошла вечность.

Перед глазами поплыли круги. Сначала чёрные, потом красные, потом белые.

«Всё, — подумала я. — Ипотеку не выплачу. Кота некому будет кормить. Кир женится на продажнице. А Алиса… Алиса уже там».

Мысль о ней ударила сильнее, чем удушье.

Алиса. Та, кто прятала печенье под матрас, чтобы оставить мне на завтрак. Та, кто в шесть лет закрыла меня собой от воспитательницы с ремнём. Та, кто говорила: «Не бойся, Вер, я рядом».

А теперь она висела под водой без движения, и я не могла даже крикнуть её имя.

Я рванулась в последний раз. Из последних сил. Из последнего воздуха, которого уже не было. Дёрнулась — и вдруг что-то схватило меня за грудь.

Не рука. Не щупальце. Что-то незримое, но мощное, как удар сердца. Схватило и рвануло вверх, выворачивая наизнанку. Я успела почувствовать, как лопаются мелкие сосуды в глазах, — и вылетела на поверхность с криком.

Кашель разорвал горло. Я извергала из себя воду — стаканами, литрами, мне казалось, я выплёвываю целое озеро. Воздух ворвался в лёгкие — обжигающий, сырой, совсем не такой, как в Карелии. Пахло торфом, мятой и ещё чем-то сладковато-гнилым.

Я стояла на четвереньках на острых камнях. Голова гудела. Тело дрожало мелкой дрожью. Я открыла глаза.

Вокруг было не озеро.

Точнее, озеро было. Чёрное, неподвижное, как зеркало, в котором отражалась смерть. Ни ряби, ни блика. Небо — серое, низкое, без единой звезды и без луны. Берег — каменистый, в мху, и камни острые, режущие ладони.

Я опустила взгляд на свои руки и замерла.

Не мои руки. Короткие пальцы с обкусанными ногтями исчезли. Вместо них — длинные, тонкие, с идеальным маникюром. Кожа бледная, почти белая, с синеватыми венами, просвечивающими сквозь кожу. Я провела ладонью по лицу — чужие скулы, чужой нос, чужие пухлые губы. Волосы длинные, ниже пояса, мокрыми сосульками лежат на плечах.

— Это не я, — сказала я вслух. Голос был тоньше. С хрипотцой. И чужой.

— Смотрите! — крикнули сверху.

Я подняла голову. Со скалы, нависающей над озером, на меня смотрели трое. В кожаных доспехах, с оружием. У одного лук, у второго копьё, у третьего — рог, похожий на бычий, с медной оковкой.

Лучник ткнул в меня пальцем:

— Ведьма! Из воды вылезла! Ведьма!

— Я не ведьма, — сказала я. Голос не дрожал. Хотя внутри всё тряслось, колотилось, пыталось выпрыгнуть наружу. — Я ищу девушку. Чёрные волосы, веснушки, худая. Мы вместе нырнули. Вы её видели?

— Слышал? — хохотнул копейщик. — Она ещё и спрашивает!

— Стреляй, сказано, — рявкнул третий. — Приказ стражи: всякого, кто выйдет из Чёрного озера, — на месте.

— Какого Чёрного озера? — я обернулась к воде. Она была абсолютно чёрной. Не тёмно-синей, не серой — именно чёрной, как нефть, как дёготь. С неё не поднимался пар, на ней не было ряби. Она просто лежала, тяжелая, мёртвая.

— Может, она и правда ведьма, — неуверенно сказал лучник. — Глянь на её глаза. Светятся?

— Стреляй, кому говорят!

Свист. Я не успела ни увернуться, ни закричать. Стрела чиркнула по плечу — сначала я почувствовала только толчок, а потом жгучую боль. Кровь потекла по руке, яркая, алая. Чужая кровь по чужой руке.

— Вяжи её! Бегом!

Я рванула с места.

Ноги не слушались — новые, длинные, с непривычно тонкими щиколотками. Я споткнулась о камень, упала, ободрала колено, вскочила. Сзади топали сапоги, кричали:

— Держи! Не уйди!

Я побежала к лесу. Другого пути не было. Прямо передо мной вставала стена деревьев — высокие сосны и ели с мохнатыми лапами. И за ними, на скале, серый замок.

Он висел над миром, как каменный кулак. Острые шпили впивались в низкое небо, стены были гладкими и скользкими, окна — узкими бойницами. От замка веяло холодом, хотя до него было ещё далеко. Не тем холодом, что от камня, — другим. Древним, липким, въевшимся в каждую трещину. Мне вдруг показалось, что сам воздух вокруг замка тяжелее и темнее.

Я не хотела туда. Никогда. Лучше в лес, в болото, в пасть зверю, чем туда.

— Держи её! — заорали за спиной.

Сзади свистнула вторая стрела. Она вонзилась в ствол сосны прямо у моего уха — звонко, с хрустом. Древесная кора брызнула в лицо. Я рванула в чащу, не разбирая дороги.

И тут лес изменился.

Тропа возникла под ногами сама собой. Не протоптанная, не видимая глазу — но я чувствовала её. Камни уступали место мягкому мху, ветки расступались перед лицом, корни не подставляли подножку. Будто кто-то невидимый брал меня за руку и вёл.

Но за спиной не утихала погоня.

— По следу! — кричал копейщик. — Она уходит к старой избе!

— Догоним! Не впервой!

Ветки хлестали по лицу, но я бежала. Лёгкие горели. Плечо саднило, кровь пропитала рукав, но я не останавливалась. В голове стучало: Алиса, Алиса, где Алиса?

— Сейчас возьмём! Лук!

Я услышала, как скрипит тетива. Пригнулась — стрела пролетела над головой, вырвав несколько волос. Я даже не почувствовала боли, только испуг.

— Стоять, — сказал кто-то.

Я замерла. Не потому что захотела — ноги перестали слушаться. Просто голос вошёл в меня, как нож в масло, и прибил к месту.

Стражники тоже остановились. Даже ветер, казалось, затих.

Я подняла голову.

На скале, нависающей над лесом, стоял всадник на вороном коне. Конь был огромным, чернее ночи, с горящими красными глазами. Пар валил из ноздрей, копыта высекали искры из камня. А на коне — человек.

Он был высоким, широкоплечим. Плащ из чёрного бархата, подбитый мехом, развевался без ветра. Лица не разобрать — глубокий капюшон скрывал глаза, но линия подбородка была жёсткой, как лезвие. На груди — герб: чёрный дракон на серебряном поле.

Император.

Я не знала, откуда я это знаю. Не знала, откуда знаю его герб и его власть. Но когда он чуть приподнял голову, и из-под капюшона блеснули глаза — тёмно-синие, почти чёрные, с ледяным блеском, — меня пробила дрожь.

Холод от него шёл такой, что у меня занемели пальцы на ногах. И не от воздуха — от его взгляда.

Он смотрел на меня. Не на стражников. Не на лес. На меня. И в этом взгляде не было ничего человеческого. Только власть. Только опасность. И странное, пугающее любопытство.

— Если хоть один волос упадёт с её головы, — сказал он. Голос низкий, без эмоций, как у следователя, который уже всё знает. — Вы ответите. Живыми не уйдёте.

Стражники побледнели. Лучник опустил лук. Копейщик попятился.

— Ваше величество, — залепетал тот, что с рогом. — Мы не знали… Она из воды…

— Отойдите, — сказал император. — Дайте ей уйти.

Стражники расступились, как вода перед носом корабля.

Я не стала ждать. Рванула в лес, на этот раз не оглядываясь. Бежала, пока пульс не стал единым гулом в ушах. Ветки хлестали по лицу, ноги подкашивались, но я бежала. Только когда звуки погони стихли и лес сомкнулся за мной плотной стеной, я упала.

На колени, прямо в сырой мох. Земля пахла грибами, гнилью и мятой. Я лежала, хватая ртом воздух, и смотрела на свои чужие руки.

— Алиса, — прошептала я. — Где ты?

Никто не ответил.

Я поднялась и пошла. Потому что если я останусь здесь, меня найдут. Стражники или тот, кто был страшнее стражников.

Лес вёл меня. Тропа возникала сама собой — невидимая, но ощутимая. Я шла по ней, как слепая за поводырём. Кто-то или что-то в этом лесу знало, куда мне нужно. Или хотело, чтобы я пришла именно туда.

Через какое-то время деревья расступились.

Поляна. А на ней — избушка.

Маленькая, старая, почти вросшая в землю. Бревна почернели от времени, крыша поросла мхом, окна затянуты паутиной. Дверь перекошена, но не заперта. Ни огня, ни дыма, ни следов жизни. Заброшенная. Или просто очень старая.

Я подошла. Толкнула дверь — она открылась без скрипа, бесшумно, как рот мертвеца.

Внутри пахло полынью, сушёными грибами и древностью. Ещё — чем-то сладким и чужим. На столе догорала свеча — крошечный огонёк в полной тьме. Рядом лежала книга.

Кожаный переплёт, потёртые углы, медная застёжка. На обложке — тиснёное название: «Истра».

Я села на лавку. Свеча дрожала, отбрасывая тени. Я открыла книгу.

Первая страница. Рисунок травы с мелкими белыми цветами. Подпись: «Звездчатка. От лихорадки и боли в суставах».

Я не знала этой травы. Никогда не видела. Но когда я смотрела на рисунок, в голове всплывало: собирать на рассвете, сушить в тени, заваривать кипятком, но не кипятить. Откуда? Я московский биолог, я знаю зверобой, ромашку, чистотел. Но звездчатку — нет.

Вторая страница. Корень, похожий на морщинистую морковь. «Девясил. От удушья и кашля».

Я закрыла глаза — и увидела, как его выкапывают. Как очищают, режут, сушат на печи. Увидела так отчётливо, будто сама делала это сотню раз.

Третья страница. Четырёхлистник болотный. «От страха и бессонницы».

У меня перехватило дыхание. Я не учила этого. Ни в университете, ни в книгах, ни в жизни. Но знания вползали в меня, как змеи. Тихо, настойчиво. Словно они всегда были здесь, в глубине, а я просто забыла. Словно какая-то часть меня — не та, что выросла в детдоме и пила воду из крана с запахом железа, — помнила всё.

Страница за страницей. Травы, коренья, настойки, мази. Рецепты с точными пропорциями. Предупреждения: «не давать беременным», «вызывает сон», «смертельная доза — три капли». Я перелистывала, и каждое слово ложилось в память, как будто я читала не книгу, а свой собственный дневник, написанный много лет назад.

Но это было не моё. Не Веры из детдома.

Чужое. Чужое знание, чужой опыт — и он становился моим.

Я закрыла книгу. Руки дрожали. Свеча почти догорела.

— Что происходит? — прошептала я в пустоту.

И тогда я подумала об Алисе.

Мы встретились, когда мне было пять, а ей шесть. Нас привели в одну комнату. Я плакала, потому что меня отобрали у приёмной семьи — вернули, как ненужную вещь. Алиса подошла, молча вытерла мои слёзы грязным рукавом и сказала: «Не реви. Теперь я буду твоей семьёй».

И была. Все шестнадцать лет. Она прятала печенье под матрас, чтобы оставить мне на утро. Она дралась с мальчишками, которые дразнили меня «дочкой алкашей». Она научила меня не плакать, даже когда очень больно.

А потом мы поехали в Карелию. Дёшево, по студенческой путёвке. Сказали: «Самый чистый воздух, самые красивые озёра». Алиса нашла в интернете легенду: тот, кто нырнёт в полночь в Чёрное озеро, увидит под водой небо.

— Небо! — смеялась она. — Представляешь, Вера? Небо под ногами. Что может быть лучше?

У меня не было никого. У меня была только Алиса.

А теперь она там, под водой. Или уже не там.

— Я найду тебя, — сказала я книге, стенам, лесу за окном. — Обязательно найду. Даже если придётся перевернуть этот чужой мир вверх дном.

За стеной кто-то зашуршал.

Я замерла.

Шаги. Медленные, тяжёлые, вдавливающие мох. Кто-то большой. Кто-то, кто не боится темноты.

Я вцепилась в книгу. Бесполезное оружие. Но другого не было.

Шаги приблизились. Остановились прямо за дверью.

Тишина. Такая, что слышно, как бьётся моё сердце — чужое сердце в чужой груди.

А потом дверь открылась.

Глава 2. Верея

Дверь открылась бесшумно — как рот мертвеца, как пасть змеи.

Сначала я увидела только тень. Невысокую, сгорбленную, почти сливающуюся с чернотой за порогом. Потом она шагнула внутрь, и свеча дёрнулась, высветив её.

Старуха.

Она была маленькой — ниже меня на голову. Спина колесом, плечи выгнуты вперёд, руки длинные, с узловатыми пальцами. Но двигалась она не как старуха. Плавно. Бесшумно. Будто под юбками у неё были не ноги, а змеиные хвосты.

Лицо — кисея морщин. Глубоких, как трещины в высохшей земле. Такие бывают у тех, кто всю жизнь провёл на ветру и холоде, кто видел то, что другим лучше не видеть. Но глаза… глаза были страшными.

Чёрные. Без зрачка, без радужки, без блеска. Два угля, в которых отражался слабый огонёк свечи — и больше ничего. Они смотрели на меня в упор, и я почувствовала, как по позвоночнику ползёт холодная мурашка.

На голове — тёмный платок, завязанный узлом на затылке. Из-под него выбивались жёсткие седые пряди, похожие на конский волос.

На пальцах — десяток перстней. Мутный янтарь, потускневшее серебро, камень, похожий на высохшую каплю крови. И один — с чёрным глазом, который, казалось, смотрел на меня в упор, куда бы я ни отошла.

Я попятилась. Спина упёрлась в край стола. Книга «Истра» осталась на столе, я сжимала в руках воздух.

— Не бойся, — сказала она.

Голос низкий, хриплый, похожий на треск сухой ветки под ногами. Или на шёпот углей в печи.

— Я ждала тебя. Долго ждала.

— Кто вы? — спросила я.

И снова вздрогнула от чужого голоса. Он выходил из моего горла, но был не моим. Тоньше, с хрипотцой. Чужие губы, чужое нёбо, чужой язык.

— Меня зовут Тали, — старуха сделала ещё шаг. Пол под её ногами не скрипнул. — Я гадаю при дворе. Вижу то, что скрыто. А ты, девочка, сейчас в теле, которое тебе не принадлежит. Чувствуешь?

Я провела рукой по лицу. Острые скулы, тонкие губы, длинный прямой нос — всё это было под моими пальцами, но не было моим. Я чувствовала чужую кожу, чужой холод, чужие ресницы.

— Что со мной? — выдавила я.

— Эту девочку звали Верея. — Тали подошла к столу, провела пальцем по корешку «Истры». — Её мать назвала в честь лесного ветра, что приносит первые весенние листья. Она была травницей. Хорошей. Но сегодня на рассвете пьяные стражники забавы ради утопили её в озере Лакрима.

— Утопили?

Я вспомнила воду. Холод. Зелёный свет. Камни с письменами. И тело, которое меня не слушалось.

— Они заставили её раздеться и войти в воду. Сказали — покажи, как ты умеешь дышать под водой, ведьма. Она не умела. Она просто утонула. А потом… — Тали подняла на меня свои чёрные глаза. — А потом пришла ты. Из другого мира. Ты теперь Верея. Запомни это имя. Здесь ты будешь Вереей.

Меня трясло. Не от холода — от ужаса. Внутри всё кипело, переворачивалось, хотело выпрыгнуть наружу. Я хотела закричать, что это ошибка, что мне нужно домой, в Москву, к Алисе, к моему никчёмному, но своему телу. Вместо этого я выдавила:

— Послушайте… меня зовут Вера. Я училась на биологическом в Москве. Я ничего не понимаю в колдовстве и проклятиях. Где моя подруга? Алиса нырнула вместе со мной. Мы из одного детдома. Она — единственное, что у меня было. Что здесь происходит?

Тали подняла руку.

Перстни звякнули — сухо, неблагозвучно, как колокольчики на похоронной процессии. Чёрный глаз на одном из них будто повернулся ко мне.

Воздух в комнате стал тяжелее. Не метафорически — физически. Будто кто-то нажал невидимую плиту мне на плечи. Дышать стало трудно. Свеча сжалась в крошечный синий огонёк.

— Замолчи.

Голос Тали был тихим. Но каждое слово вдавило меня в пол, как гвоздь.

— Если хочешь жить — усвой. Ты — травница Верея. Никогда не была в Москве. Не училась. Не видела этого города. Ты выросла здесь, в лесу Морраль. Собирала коренья, лечила крестьян от лихорадки. Заруби это на своём чужом носу.

— Но это неправда, — прошептала я.

— Правда или нет — не важно. — Тали шагнула ближе. Я почувствовала запах полыни и старой, застоявшейся крови. Не трупный — другой, древний, как эти стены. — Важно, что никто не должен узнать, откуда ты пришла. Ни стражники, ни слуги, ни лорды. Если заподозрят, что ты чужак из другого мира — сожгут на костре прежде, чем император успеет моргнуть. Замок убьёт тебя. Или стражники. Или простолюдины. Поняла?

Я сглотнула. Горло пересохло, как наждак.

— А чёрный всадник? — выдавила я. — Тот, на скале. Кто он?

Тали усмехнулась краешками губ. Сухо, без тепла, без жалости.

— Император — другое дело. Он может узнать. Он должен узнать. Потому что он единственный, кто может тебя защитить. Если захочет. Но об этом потом.

Она подняла палец с чёрным перстнем. Камень блеснул — и мне показалось, что в его глубине что-то шевельнулось.

— Ты попала в замок Вэлнес. В земли проклятого рода. Здесь император берёт в жёны молодых девушек — одну за другой. Все они умирают. Ты — девятая. Твоя предшественница умерла сегодня. Её призрак уже бродит по коридорам.

— Почему они умирают? — Я чувствовала, как немеют пальцы. — Что за проклятие?

Тали присела на край стола. Перстни стукнули по дереву. Свеча осветила её лицо снизу — морщины стали глубже, глаза — чернее.

— Триста лет назад император Эсташ Вэлнес вырубил дубраву и убил мужа лесной травницы. Её звали Истра. Она была сильной — сильнее, чем любой маг при дворе. Он сжёг её мужа заживо — за то, что тот посмел смотреть на императрицу. Истра прокляла его род. С тех пор ни один Вэлнес не может любить без расплаты. Ту, которую он полюбит, умрёт в течение года. Ту, которая полюбит его — постигнет та же участь. Сердце останавливается. Лёгкие гноятся. Кровь идёт горлом. А призрак остаётся в замке навеки.

Я смотрела на неё. На её чёрные глаза, на перстень с глазом, на жёсткие седые волосы.

— И поэтому император каждые сто лет проводит отбор невест? — спросила я. — Чтобы найти ту, которая не умрёт?

— Нет, — Тали покачала головой. — Чтобы найти ту, которую он сможет не полюбить. Или ту, которая не полюбит его. Пока не находил.

— А если я не влюблюсь? — спросила я. Голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Если буду держаться подальше? Я из другого мира, у меня другие мозги. Может, у меня получится.

Тали посмотрела на меня долго. Так долго, что я начала бояться, что она видит что-то, чего я сама о себе не знаю.

— Ты женщина, он — император, — сказала она наконец. — Молодой. Красивый. Властный. Другие не могли устоять. Но ты… ты из другого мира. Может, у тебя получится. Лес принял тебя. Это твой единственный союзник.

Она встала. Поправила платок. Пламя свечи метнулось в сторону, будто от ветра, хотя окна были закрыты.

— Я приду к тебе во дворец. Под видом гадалки. Если понадобится помощь — ищи меня в северной башне. А сейчас — жди. Скоро за тобой придут.

— Постойте! — Я шагнула к ней, схватила за рукав. Ткань под пальцами оказалась холодной и жёсткой, как рыбья чешуя. — Как мне найти Алису? Что с ней будет?

Тали обернулась. Чёрные глаза блеснули в полумраке — впервые в них появилось что-то живое. На миг мне показалось, что я вижу в них своё отражение — испуганное, потерянное, с мокрыми волосами и чужеродным лицом.

— Не сейчас, — сказала она тихо. — Сначала выживи здесь. Твоя дорога — здесь. Её — там. Когда придёт время — встретитесь. Если выживете.

— Если выживете? — повторила я.

Тали не ответила. Она шагнула в угол — в самую густую тьму, куда не доставал свет свечи. Мне показалось, что я вижу её силуэт ещё секунду, две, три.

А потом он исчез.

Просто растаял, как дым. Остался только запах полыни, да на столе догорала свеча, да в ушах звенела тишина.

Я постояла, сжимая край стола. Потом села.

Руки дрожали. Всё тело дрожало. Я посмотрела на свои чужие пальцы, на идеальный маникюр, на бледную кожу. Верея. Теперь меня зовут Верея. Травница, которую утопили пьяные стражники. Девятая невеста императора.

Я открыла «Истру». Снова. Страницы шуршали, как сухие листья. Я читала — и знания втекали в меня быстрее, чем раньше. Будто плотина прорвалась. Будто воспоминания этой Вереи, спавшие в теле, наконец просыпались и перетекали в меня.

Вот — корень мандрагоры. Кричит, когда выдирают из земли. Вот — звёздная лилия. Три капли настоя — смерть. Вот — папоротник. Цветёт раз в тысячу лет, и тот, кто найдёт цветок, увидит всё, что скрыто.

Я закрыла глаза и увидела лес. Не московский парк, не карельский бор — другой. Дремучий, тёмный, с огромными папоротниками и грибами в рост человека. Ветер нёс запах мха и прелых листьев.

«Это её лес, — поняла я. — Лес Вереи».

Открыла глаза. Свеча почти догорела.

И тогда я услышала.

Снаружи — шум. Тяжёлые шаги. Хруст веток. И голоса.

— Ведьмину избушку нашли? Здесь? — Голос грубый, хриплый, с присвистом.

— Тута. Следами привела. Не уйдёт.

— Окружай! Живо!

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле.

Топот сапог. Не один, не два — много. Звон металла. Я метнулась к окну — в щель между досками увидела факелы. Пять, шесть, десять. Оранжевые языки дрожали в темноте.

— Выходи, ведьма! — заорали снаружи. — Именем императора! Стоять! Не двигаться!

Я не ответила. Прижалась спиной к стене. Книгу сунула за пазуху — холодный кожаный переплёт прижался к чужой горячей груди.

— Ломай!

Удар. Дверь затрещала. Ещё удар — петли застонали. Лунный свет хлынул в щель, и я увидела их. Первый — коренастый, с рыжими усами и шрамом через всю щёку. В руке — копьё. За ним — ещё трое. Те самые, что гнались у озера.

Глаза у них были злые. И испуганные. Потому что они знали: император велел не трогать. Но они всё равно пришли.

— Именем императорского величества… — начал рыжий.

Последний удар. Дверь слетела с петель и рухнула на земляной пол, подняв облако пыли.

Они стояли передо мной. Четверо с копьями наперевес. За ними в темноте маячили ещё силуэты.

— Выходи по-хорошему, — сказал рыжий. — Не то хуже будет.

Я выпрямилась. Чужие плечи, чужая спина, чужие руки — но они не дрожали. И голос, когда я заговорила, прозвучал твёрдо:

— Император сказал: «Дайте ей уйти». Вы нарушаете приказ?

Рыжий усмехнулся. Но усмешка вышла кривой, и глаза бегали.

— Император далеко. А мы здесь. И мы знаем, кто ты. Ведьма из Чёрного озера. Ты не должна была выжить.

Он шагнул вперёд. Копьё упёрлось мне в грудь — холодное, острое. Я почувствовала, как кончик давит на рубашку, в которой утонула Верея.

— Сейчас ты пойдёшь с нами к императору, — сказал рыжий. — А там разберёмся, что с тобой делать.

Я смотрела в его глаза. Маленькие, свинячьи, с красными прожилками.

— Тогда делайте, что хотите, — сказала я тихо.

И шагнула на копьё.

Визуал главы 2.

Глава 3. Замок

— Колдунья, — выдохнул один.

Молодой, прыщавый, с вечно открытым ртом — я запомнила его лицо первым. Он смотрел на меня так, будто я только что вылезла из могилы, а не из лесной избушки. Глаза у него бегали, пальцы на копье дрожали.

— Настоящая колдунья. Гляньте на глаза — янтарные, с диким блеском.

Я не знала, что у меня теперь янтарные глаза. В темноте избушки не разглядела, да и не до того было. Но сейчас, когда он сказал, я почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Дикий блеск. А какой он ещё? Я не выбирала.

— Любая баба с такими глазами — ведьма, — буркнул другой, постарше, с сединой в бороде и глубокими морщинами вокруг рта. Он говорил уверенно, но я заметила, как он судорожно сжимает древко копья. — Вяжите, кому сказано.

— Вяжите, — повторил рыжий, тот, что командовал.

Я не сопротивлялась.

Что толку? Четверо против одной. Ни меча, ни стрелы, ни даже перочинного ножа. Только книга под платьем, да царапина на плече, да чужое тело, которое сегодня уже утонуло один раз и, кажется, не боится второго.

Меня схватили за руки. Грубо. Пальцы — как клещи, въелись в предплечья. Вывернули локти, так что заныло в суставах, и я услышала, как хрустнуло что-то в правом плече. Боль была острой, но короткой. Я стиснула зубы так, что свело челюсть.

Кожаная верёвка обожгла запястья. Раз. Второй. Потуже. Я почувствовала, как узлы впиваются в кожу, как верёвка перетягивает вены. Пальцы начали неметь.

— Книга у неё, — сказал рыжий и запустил руку мне под платье.

Я дёрнулась. Не от стыда — от неожиданности. Его жёсткие, мозолистые пальцы прошлись по животу, нащупали кожаный переплёт, вытащили. «Истра» тяжело упала ему в ладонь. Он повертел её, понюхал корешок, пролистал несколько страниц.

— Травница, что ли?

— Имени у неё нет, — отозвался седой. — Лесная. Из избушки этой. Сказывали, тут баба живёт, кореньями лечит. А может, и порчу наводит. Кто ж разберёт.

— Порча — от дьявола, — набожно произнёс третий — щуплый, с маленькими, близко посаженными глазками. Он всё время крестился, когда я на него смотрела. — На костёр её. Пока не напустила мор на деревни.

— Император рассудит, — отрезал рыжий. Он сунул книгу за пазуху. — Хотя я бы уже прихлопнул тебя, как муху, если бы не он. Пошли.

Второй раз за эту ночь меня выволокли из избушки. Теперь уже не бегом, не в панике — шагом. Связанную, конвоируемую со всех сторон.

Лес провожал меня шёпотом.

Я слышала его — отчётливо, хотя стражники, кажется, нет. Ветер играл в кронах, и в этом шуме было что-то осмысленное. Стволы скрипели, как старые суставы. Ветки хлестали по лицу, но не больно — будто прощаясь. Или подбадривая.

— Не шурши, — бросил рыжий, обернувшись. — Лес и так не наш.

— Лес ничей, — сказала я.

Я до сих пор не могла понять, откуда во мне эти слова. Почему я чувствую каждое дерево, каждый корень под ногами? Почему знаю, что под третьей сосной слева растёт мухомор, а за валуном — куст черники, хотя никогда не была в этом лесу? Воспоминания Вереи, той, что утонула, прорастали во мне, как трава сквозь асфальт.

Рыжий зыркнул, но ответить не успел. Мы вышли на дорогу, ведущую к замку.

***

Солнце к тому времени поднялось выше. Не знаю, сколько мы шли — час, два, три. В избушке была ночь, а теперь небо серело на востоке, потом порозовело, потом пожелтело. Но солнце не грело.

Оно висело в небе бледным, больным пятном — как глаз, который смотрит, но не видит. Лучи его не могли пробить туман. Он всё ещё стелился над чёрной гладью Лакримы, низкий, липкий, пахнущий торфом и гнилью.

Озеро тянулось справа от дороги на добрых полсотни шагов. Вода его была неподвижной, как застывшая смола. Ни волны, ни ряби. Казалось, озеро смотрит в самоё себя и не видит никого. Даже меня.

— Долго ещё? — спросила я.

Голос сел. Горло саднило после вчерашнего утопления.

— Молчи, — бросил рыжий, не оборачиваясь.

— Я не ведьма, — сказала я, обращаясь к молодому прыщавому. Он шёл справа и то и дело косился на меня — с ужасом и любопытством одновременно. — Я травница. Лечила ваших? Может, вашу мать от лихорадки? Или жену от бесплодия?

— У меня матери нет, — буркнул он и отвернулся.

— А у меня нет колдовства. Только коренья и цветы.

Он не ответил. Только ускорил шаг, и я едва поспевала за ним на своих новых, длинных ногах, путаясь в подоле платья.

***

Дорога свернула, и впереди показалась деревня.

Я увидела её сразу — но не всю, а по частям. Сначала запах: дым, навоз, кислая капуста. Потом звуки: собачий лай, петушиный крик, детский плач. Потом уже — низкие серые дома с соломенными крышами, покосившиеся заборы, колодец с журавлём. И церквушку с облупившимся куполом, на котором сидела ворона.

На крыльце церкви стоял поп в чёрной рясе. Я увидела его издалека, но даже на расстоянии почувствовала его взгляд — тяжёлый, недобрый, изучающий.

Возле колодца толпились мужики — человек пять, с бородами, в замасленных рубахах. Бабы с коромыслами замерли на полпути к воде. Дети, возившиеся в пыли у забора, вдруг притихли и уставились на меня круглыми глазами.

Увидев конвой, они замерли. Увидев меня — попятились.

— Ведьму ведут, — пронеслось шёпотом. Я расслышала этот шелест, хотя стояла далеко. — Свят-свят. Ишь, глазищи-то какие… янтарные. Тише вы. Наведёт порчу.

Я опустила голову. Не от стыда — от усталости. Такая тяжёлая, свинцовая усталость, когда не хочется ни доказывать, ни спорить, ни оправдываться.

Что я им сделала? Ничего. Никого не прокляла, никого не лечила в этом теле — только в прошлой жизни заваривала ромашку клиентам в своей московской «Зелёной аптеке». Но здесь, в этом мире, один взгляд из-под тёмных бровей казался колдовством. Чужое тело. Чужие глаза. Чужая судьба.

— Проходим, не задерживаемся, — скомандовал рыжий.

Мы прошли мимо колодца. Мужик, который только что набирал воду, выронил ведро. Оно с грохотом покатилось по земле, расплескав воду по камням. Никто не бросился его поднимать. Все смотрели на меня.

Я чувствовала их взгляды на своей спине — тяжёлые, липкие, полные первобытного страха. Так смотрят на чуму, на мор, на саму смерть. Они не видели во мне человека. Они видели угрозу.

— Не бойтесь, — сказала я тихо. — Я не сделаю вам ничего дурного.

Баба с младенцем на руках — молодая, бледная, с синими кругами под глазами — перекрестилась размашисто, торопливо и сплюнула через левое плечо. Трижды. Ребёнок, будто почувствовав материнский страх, заплакал — тонко, надрывно, на весь колодец.

— Молчи, — прошипел стражник, идущий справа. — Только хуже делаешь.

Я замолчала.

Мы прошли мимо церкви. Поп на крыльце не двинулся с места — стоял, скрестив руки на груди. Осенил себя широким крестом — так, что кисть мелькнула у самого плеча. Но не сказал ни слова. Только смотрел. Тяжело, с прищуром, как будто видел во мне что-то, чего не видели другие.

Я отвела взгляд.

***

За околицей дорога пошла в гору.

Деревня осталась позади, но её жители не расходились. Я обернулась — они всё стояли на краю, сбившись в кучу, как испуганные овцы. Смотрели вслед. Перешёптывались. Показывали пальцами.

Мне захотелось закричать: «Я такая же, как вы! У меня тоже есть душа, и я просто хочу домой!» Но домой — куда? В Москву, где на столе осталась недоеденная пицца и недопитый чай? Или в эту избушку, где пахло полынью и мятой?

Я ничего не знала.

— Прибавим шагу, — бросил рыжий.

Мы поднимались всё выше. Замок, который раньше, с берега озера, казался игрушечным, теперь нависал надо мной настоящей скалой. Серой, мрачной, с острыми шпилями, которые впивались в брюхо туч. Стены казались гладкими, но я заметила узкие бойницы — окна, из которых лучники могли расстрелять любого, кто подойдёт ближе чем на сотню шагов.

Ворота — дубовые, окованные железом — были приоткрыты. За ними угадывался внутренний двор, полный теней и голосов.

— Стой, — скомандовал рыжий у самых ворот. — Обыщем.

— Зачем? — спросила я. — У меня ничего нет. Книгу вы уже забрали.

— Сказано — обыщем, значит, обыщем.

Он запустил руку в мои волосы. Грубо. Дёрнул, проверяя, нет ли спрятанного кинжала за ухом. Я сжала челюсти, чтобы не вскрикнуть. Потом приказал поднять руки — обшарил бока, плечи, живот. Его пальцы были жёсткими, мозолистыми, и от них пахло потом и ржавчиной.

Я отвернулась, чтобы не видеть его лица. Смотрела на замковую стену, на камни, на чёрные пятна мха между ними.

— Чисто, — сказал он. — Пошли.

***

Мы вошли в ворота.

Внутренний двор оказался огромным — булыжным, вымощенным крупным, неровным камнем. В середине — колодец с каменным кольцом, рядом — коновязь, увешанная сбруей. Сновали слуги в серых плащах, тащили дрова, воду, какие-то тюки. Солдаты в чёрных доспехах стояли у каждой двери.

Запахи ударили в нос — лошадиного навоза, дыма, жареного мяса, сырого камня и чего-то кислого, похожего на прокисшее молоко. Я чуть не закашлялась.

— Куда её? — спросил молодой прыщавый.

— В северное крыло, — ответил рыжий. — К пустующим комнатам.

— Там же призраки…

— А ты боишься призраков? — усмехнулся рыжий. — Девка — нет, и ты не бойся.

Меня повели не в главный вход — с высокими дверями и каменными львами по бокам, а в низкую боковую дверь, обитую железом. Потом по узкой лестнице вверх — ступени были

каменные, стёртые до блеска тысячами ног. Потом по коридору, где было темно и сыро, и с потолка капало.

Капало мерно, тоскливо, как счётчик Гейгера в старом фильме. Я сбилась со счёта поворотов — шестой, десятый, пятнадцатый. Стены сужались, потолок опускался. Воздух стал спёртым, пахло плесенью и мышами.

— Далеко ещё? — спросила я.

— Почти, — бросил кто-то.

Мы остановились у низкой двери — дубовой, окованной чёрным железом, с маленьким зарешеченным окошком на уровне глаз. Рыжий отворил её жестяным ключом, висевшим у него на поясе среди других таких же. Ключ заскрипел, замок щёлкнул — сухо, окончательно.

— Заходи.

Я шагнула внутрь.

Комната была маленькой. Шагов пять в длину, три в ширину. Каменные стены, пол из грубых досок. Кровать с соломенным тюфяком, накрытым серым одеялом, пахнущим застоявшимся потом. Стол, табурет, высокое узкое окно с решёткой и слюдяными пластинками вместо стёкол.

Из окна открывался вид на чёрное озеро Лакрима — внизу, у подножия скалы, и на лес, из которого меня привели. Деревня виднелась вдалеке серым пятном, и люди там казались муравьями.

— Здесь будешь жить, пока император не решит твою судьбу, — сказал рыжий. — Еду принесут. Выходить — только по нашему зову. И не вздумай колдовать — если увижу или услышу, лично скручу и брошу в темницу, где не светит солнце.

Он говорил, а я смотрела на решётку на окне. Толстые железные прутья вмурованы в камень — не вырвать, не перекусить.

— А книга? — спросила я. — Книга «Истра»?

— Отдали её, — рыжий кивнул на стражника, который нёс книгу. — Пусть проверят сначала. Не проклята ли.

— Она не проклята. Это просто травник. Записи о кореньях и цветах.

— Поживём — увидим.

Он вышел. Засов задвинулся с глухим, тяжёлым звуком — металл вошёл в металл. Щёлкнул замок.

Я осталась одна.

***

Я села на кровать.

Соломенный тюфяк прогнулся подо мной, заскрипел. Пахло плесенью, старой пылью и чем-то сладковато-приторным — может, мышиным помётом, может, травой, которую сушили здесь когда-то.

Я уставилась в окно.

Внизу, у подножия скалы, лежало озеро Лакрима — чёрное, безмолвное, неподвижное. Я смотрела на него и думала об Алисе.

Где ты? Жива ли? Вынырнула ли, как я, или так и осталась в том зелёном свете, между камней?

В горле встал ком. Я не плакала — слёзы не шли, будто высохли. Только тяжесть в груди, тупая, давящая, как камень.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Под платьем всё ещё саднило плечо — там, куда скользнула стрела. Бок болел, но терпимо. Я свернулась калачиком, подтянула колени к груди и закрыла глаза.

И сразу провалилась в сон.

Глава 4. Первый взгляд

Я проснулась от того, что за окном запели птицы.

Не те, московские, воробьиные, а чужие — низкие, гортанные, будто кто-то плакал в сосновых кронах. Свет пробивался сквозь решётку, ложился на каменный пол желтоватыми полосами. Я лежала на жёстком тюфяке, сжимая в кулаке край одеяла, и не сразу поняла, где я. А когда поняла — села.

Комната. Замок. Тёмное озеро за окном.

Вчерашний день казался сном — избушка, старуха Тали с её чёрными глазами без зрачков, бегство через лес, стрелы, копья, деревня, где люди крестились при виде меня. Но тело помнило: плечо саднило, бок ныл. И платье — чужое, шерстяное, так и не высохшее до конца — неприятно липло к спине.

Я встала. Ноги дрожали. Горло пересохло — вчера мне не дали ни воды, ни хлеба. Только холодная комната и запертая дверь.

Я обернулась на звук шагов.

Тяжёлые, уверенные. Не крадущийся призрак — живой человек. Засов лязгнул, дверь отворилась. На пороге стоял тот самый рыжий стражник с седыми усами, который командовал конвоем.

Он окинул меня взглядом — с головы до ног, как товар на рынке.

— Вставай, ведьма. Император требует тебя.

— У меня есть имя, — сказала я. Голос сел, но я старалась, чтобы он не дрожал. — Меня зовут Верея. И я не ведьма.

— Императору плевать, как тебя зовут. Плевать, ведьма ты или нет. Он хочет на тебя посмотреть — значит, посмотрит. Шевелись.

Он подтолкнул меня в спину. Рука у него была тяжёлая, мозолистая. Я шагнула в коридор.

***

Коридоры замка были лабиринтом.

Я шла, стараясь запомнить повороты, но они множились, путались, уводили в стороны. Сначала узкая лестница вверх — ступени каменные, стёртые до блеска. Потом длинная галерея, где стены были увешаны портретами. Мрачные лица в тяжёлых рамах, мужчины с хищными глазами, женщины в чёрных платьях, с жемчужными ожерельями и пустыми взглядами. Никто из них не улыбался. Род Вэлнесов не знал улыбок.

Один портрет привлёк моё внимание — молодая женщина с рыжими волосами, в зелёном платье. Она смотрела чуть в сторону, и в её глазах застыла такая тоска, что у меня защемило сердце. «Тоже была невестой», — подумала я.

— Не глазей, — рыкнул рыжий.

Я отвернулась.

Потом ещё лестница — широкая, каменная, ступени стёрты ногами сотен людей, живших здесь задолго до меня. Потом коридор с высокими окнами, выходящими на внутренний двор.

— Налево, — скомандовал рыжий.

Мы свернули в малый тронный зал. Я поняла это сразу — по высоким сводам, по гербу над входом (волк и дуб), по двум рядам колонн, уходящих в полумрак. Но трон, массивный, из чёрного дерева с рубинами в подлокотниках, стоял пустым.

— Жди здесь, — сказал стражник и вышел, закрыв за собой дверь.

Стукнул засов. С той стороны. Меня заперли.

Я осталась одна в огромном зале, где гулко стучало моё сердце.

Зал пах воском и древностью. На стенах горели факелы, но света было мало — он тонул в высоких сводах, оставляя только зону вокруг трона и узкую дорожку к нему. Я стояла на этой дорожке, как на прицеле.

Я перебирала в голове всё, что сказала Тали. Проклятие. Невеста. Император, который не смеет любить. Девушка, которая умирает, если полюбит сама. Восемь умерших до меня.

«Не влюбляться, — повторяла я про себя. — Ни в коем случае. Держаться холодно. Не смотреть в глаза. Не отвечать на улыбки. Если он вообще улыбается».

Ждать пришлось долго. Минут десять, а может, все двадцать. Начала разглядывать колонны — на них были вырезаны сцены охоты: всадники с копьями, затравленные олени, собаки, рвущие добычу. Жестокие, красивые, чёрно-белые в свете факелов.

Потом я услышала шаги за дверью.

Не один человек. Много. Глухие удары сапог по камню, шорох одежд, чьё-то приглушённое покашливание.

Дверь отворилась.

Он вошёл первым.

Император Данияр Вэлнес.

Я увидела его сразу — он занимал собой всё пространство, будто зал был построен только для того, чтобы он в нём появлялся. Высокий. Выше меня на голову, выше стражников, которые шли следом. Плечи — широкие, под чёрным плащом с горностаевой опушкой угадывалось сильное, жилистое тело. Волосы — тёмные, почти чёрные, падали на плечи небрежно, но так мог позволить себе только тот, кто не нуждался в зеркалах.

Лицо. Резкое, с высокими скулами, с прямым носом, с губами, которые никогда не улыбались. На подбородке — лёгкая щетина. Глаза — серые, стальные, с тёмной каймой вокруг зрачка. Они смотрели на меня в упор, не мигая. Как у хищника, который не спешит нападать, потому что уверен в добыче.

Я сжала кулаки под платьем, чтобы не дрожать. И выдержала его взгляд. Не отвела глаза. Это было трудно — он давил, как каменная плита.

За его спиной я заметила ещё четверых: двух советников в чёрных мантиях, писаря с пергаментом и того самого рыжего стражника, который привёл меня.

— Твоё имя? — спросил Данияр. Голос низкий, почти грудной, без интонаций.

— Верея. Я — травница. — Я повторила то, что велела Тали.

— Ты из воды вышла. Вся мокрая, в тине. Люди видели.

— Я вошла в озеро в своём мире, а вышла в вашем.

Он приподнял бровь — единственное движение, которое выдало его удивление. Остальное лицо осталось каменным.

— Другой мир? Ты хочешь, чтобы я поверил в сказку?

Я сделала шаг вперёд. Не знаю, зачем. Может, от отчаяния.

— Вы, император, верите в проклятие, которое убивает ваших жён. Это не сказка — вы видите его каждую ночь, когда призраки бродят по коридорам. Так почему не поверить в другой мир?

Тишина. Советники переглянулись. Писарь перестал писать.

Император усмехнулся. Усмешка вышла кривой, недоброй, но в ней мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Дерзкая. — Он прошёлся вдоль дорожки, остановившись в двух шагах от меня. — Совет лордов требует казни. Колдовство, переход сквозь воду, чужие глаза — всё против тебя. Что скажешь в свою защиту?

— Я никого не убивала. Я не колдунья. Я умею лечить травами — это всё. Если вы позволите, я докажу.

— Как?

— Дайте мне больного. И травы. Я вылечу.

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я снова почувствовала, как сердце грохочет в груди, как пот выступает на спине. Два шага отделяли меня от императора. Непреодолимых. Он стоял на возвышении, я — внизу, и это расстояние казалось бездной.

— Тали подтвердила, что книга у тебя не проклята, — наконец произнёс Данияр. — Обычный травник. Можешь лечить челядь. Если кто умрёт — пеняй на себя.

— Не умрёт, — ответила я.

Он шагнул вниз. Теперь мы стояли на одном уровне. Я почувствовала его запах — дерево, дым, и что-то острое, металлическое. Может, кровь. Может, оружейное масло.

— Совет лордов считает, что ты — чародейка, наславшая порчу. Чтобы успокоить их, я должен сделать тебя своей женой.

Воздух в зале стал плотным.

— Что? — выдохнула я. Голос вдруг сел окончательно.

— Ты слышала. Восьмая невеста умерла вчера — удушье, кровь горлом. Совет уже ждёт девятую. Если я откажусь — они потребуют казни. Если соглашусь — ты получишь статус и защиту. Взамен ты будешь жить здесь, в замке, и не покидать его без моего разрешения.

— А если я не хочу замуж? — Я смотрела ему в глаза. Свои новые, янтарные, в его стальные.

— А тебя никто не спросит, — повторил он чужие слова Тали. — Таков закон. И моя воля.

Он приблизился ещё на полшага. Теперь между нами было меньше локтя. Я чувствовала тепло его тела — странное, живое, противоречащее ледяному взгляду.

— Проклятие не убивает мужей, — сказала я тихо. — Оно убивает тех, кого вы любите. Или тех, кто полюбит вас. А вы меня не полюбите. Так ведь?

Он усмехнулся — на этот раз иначе. Горько. Устало.

— Я никого не люблю, Верея. Восемь раз пытался — и восемь раз хоронил. Девятая не станет исключением.

— Я и не собираюсь быть исключением. Я собираюсь выжить.

Он долго смотрел на меня. Потом протянул руку — и кончиками пальцев коснулся моего подбородка, приподнял моё лицо. Прикосновение было холодным, но не грубым.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим, как ты заговоришь, когда призраки начнут являться по ночам.

Он развернулся и вышел. Плащ взметнулся, задел мою ногу. Советники потянулись следом, пряча глаза. Писарь унёс свой пергамент.

Дверь закрылась.

Я осталась одна в пустом зале под взглядами мрачных портретов.

Мужчины Вэлнесы смотрели на меня с холодным любопытством. Женщины — с немым укором. Та, рыжая, в зелёном платье, будто спрашивала: «Ну что, сестра, и ты сюда?»

Я опустилась на колени прямо на каменный пол. Ноги не держали.

— Я не хотела так, — прошептала я в пустоту.

Никто не ответил.

Только где-то далеко, в глубине коридоров, послышался женский смех — тонкий, как струна, и тут же оборвался.

Призраки.

Девятая невеста императора.

Я закрыла лицо руками. Чужими, красивыми, с идеальным маникюром. И заплакала — в первый раз с тех пор, как вынырнула из чёрного озера.

Глава 5. Призрак за его спиной

Секретарь императора представился Луканом. Имя скользнуло мимо ушей, не зацепившись за память, — слишком много имён в этом замке умирали, не успев родиться.

Он был худ, бледен, с глазами, которые смотрели в пол и боялись поднять взгляд.

Я шла за ним по коридорам, считая шаги, чтобы не сойти с ума от тишины.

Мы остановились у двери. Дуб, бронза, волчья голова на молотке. Он отворил, отступил, будто боялся, что я укушу.

— Ваши покои, — сказал он. — Император распорядился разместить вас в северном крыле. Соседние комнаты… пустуют.

Я не спросила, почему пустуют. Я уже знала.

Он ушёл, и я осталась одна.

Комната встретила меня запахом ладана и сырости. Камин горел, но не грел. Кровать была застелена бархатом, на столе стоял кувшин с водой, в углу — сундук с окованной железом крышкой.

И зеркало. Большое, овальное, повёрнутое к стене.

Я подошла к нему, взялась за раму, развернула.

Чужая смотрела на меня из темноты. Янтарные глаза, бледная кожа, волосы — чёрные, как дно Лакримы. Я коснулась щеки. Она коснулась. Я улыбнулась. Нет, не улыбнулась. Сжала губы.

— Верея, — сказала я вслух.

Имя упало в пустоту и не вернулось эхом.

Я отошла к окну. Луна висела над озером — круглая, жёлтая, похожая на старую монету. Внизу чернела вода, за ней — лес, где в избушке осталась моя книга. Там были рецепты. Заговоры. И та фраза, которую я перечитывала, пока свеча не догорела:

«Лес принимает память вместо жизни».

Я повторяла её, как заклинание:

— Вместо жизни…

— Вместо твоей, — сказал голос за спиной.

Я обернулась.

Она стояла у камина. Полупрозрачная, с тёмными провалами вместо глаз. Белое платье было мокрым, волосы облепили лицо, и под ними угадывались черты — красивые, молодые, мёртвые.

Я не закричала. Не от храбрости — от того, что воздух вокруг неё стал холодным, как на дне колодца, и горло перехватило.

— Ты — восьмая, — сказала я. — Та, чьё тело унесли вчера.

— Меня звали Лидия. — Голос шёл не изо рта — он сочился из стен, из огня, из трещин в каменном полу. — Но здесь меня никто не называл по имени. Император ни разу не произнёс его.

Она сделала шаг. Её ноги не касались пола. Они висели в ладони от каменных плит, и под ними не было тени.

— Зачем ты пришла? — спросила я. Голос наконец прорвался — хриплый, но целый.

— Предупредить. Ты — девятая. Я была восьмой. До меня — ещё семь. И все мы умерли одинаково.

— Влюбились.

— Нет. — Она качнула головой, и в этом движении было что-то нечеловеческое, будто её шея состояла из дыма. — Мы подходили слишком близко. Смотрели слишком долго. Думали, что если не произнесём слово «люблю», то проклятие нас не заметит. А оно заметило. Ему не

нужны слова. Ему нужна мысль. Один лишний удар сердца. Одна ночь, когда ты не можешь уснуть, потому что вспоминаешь, как он повернул голову, как скользнул по тебе взглядом. И всё.

Она подошла почти вплотную. Я почувствовала, как ресницы покрываются инеем.

— Что в нём такого? — спросила я. — Почему вы не могли отвести взгляд?

— Император? Он красивый. Это и есть его оружие. Если бы он был уродлив, мы бы держались на расстоянии. Но он красив — ледяной, недоступный, и каждая думает: а вдруг я смогу его растопить? А вдруг я та, единственная?

— Я не думаю, что смогу.

— Пока нет. Но ты будешь с ним ужинать. Сидеть напротив, видеть, как его пальцы сжимают вилку, как он пьёт вино, как молчит. В его молчании есть что-то такое… оно требует ответа. Ты начинаешь говорить, чтобы заполнить пустоту. А потом ловишь себя на том, что ждёшь его шагов за дверью.

— Ты говоришь так, будто всё ещё любишь его, — сказала я.

Она замолчала. Свечи мигнули разом — все до единой. Камин всхлипнул, выбросил сноп искр, погас.

— Да, — сказала она наконец. — Люблю. Я умерла три дня назад, и до сих пор, когда он проходит мимо того места, где меня убили, моё сердце — которого уже нет — начинает биться. Это проклятие, Верея. Проклятие не в том, что мы умираем. Проклятие в том, что мы не можем перестать.

Она шагнула назад, и в этом движении было что-то странное — будто она плыла, а не шла.

— Как его снять? — спросила я. — Ты должна знать. Ты призрак.

Она усмехнулась. На её лице это выглядело как трещина на старом стекле.

— Снять? Никак. Можно только обмануть. Лес берёт плату — самую дорогую, что у тебя есть. Твою память о доме. О том мире, где ты родилась. Если отдашь — он не тронет тебя. Ты сможешь любить без смерти.

— А если не отдам?

— Тогда однажды, когда ты будешь лежать в этой постели, твои лёгкие наполнятся водой, и ты утонешь. И присоединишься к нам.

Она повела рукой — туда, за стену. Там, в соседних комнатах, кто-то плакал. Не один голос — несколько. Женские. Скупые, давящиеся, с подвываниями.

— Слышишь? Это те, кто тоже думал, что они особенные. Они здесь уже десять лет, двадцать, сто. Плачут каждую ночь.

— Почему они плачут?

— Потому что помнят, как пахнет его кожа. Как он говорит «спокойной ночи». Как однажды, за ужином, он уронил нож, и она, самая первая, наклонилась подать — и их пальцы встретились под столом. Она так и умерла с этим воспоминанием.

Я отошла к окну, упёрлась лбом в холодное стекло. Луна застыла в зените, и от неё до самого озера тянулась серебряная дорожка — лунная, мёртвая. Я смотрела на неё и думала о том, что в этом мире всё ведёт к воде. К чёрной, неподвижной, которая ждёт.

— Император знает? — спросила я. — Знает, что вы здесь? Что вы плачете?

— Он знает. Но он не может нас выгнать. Мы — часть проклятия. Его плата. Каждую ночь он слышит наши шаги, наш шёпот, наше: «Почему ты не спас нас?» И не отвечает.

— Потому что не может спасти.

— Потому что не умеет любить, — поправила она. — Он пробовал. Один раз. С той, кто пришла из другого мира. Он впустил её в своё сердце, а она… она умерла. Проклятие оказалось сильнее.

— А если его полюбить, но не сказать? — спросила я. — Если чувствовать, но не признаваться?

— Замок видит мысли. Ему не нужны слова.

Она покачнулась, будто её колыхнул невидимый ветер.

— Я устала. Мне пора.

— Постой, — я шагнула к ней, но она отодвинулась, сохраняя расстояние. — Как мне найти твою комнату?

— Не надо. В той комнате ничего нет. Только кровать, на которой меня не стало. И пятно. Его никто не оттирает — для острастки.

Она начала таять. Сначала исчезли пальцы — длинные, тонкие, с обломанными ногтями. Потом кисти, локти. Лицо держалось дольше всего — прозрачная маска с двумя тёмными дырами вместо глаз.

— Не повторяй мою ошибку, Верея. Не подходи к нему слишком близко. Не спрашивай, как прошёл день. Не поправляй плащ, если он криво висит. Не смотри, как он спит.

— Как он спит? — вырвалось у меня.

Она улыбнулась — в последний раз, уже почти невидимая.

— Плохо. Очень плохо.

Она исчезла. Свечи загорелись снова. Камин выдохнул теплом, будто вздохнул.

Я осталась одна в комнате, где до меня уже умирали.

Я подошла к стене, где только что был призрак. Ничего. Ни пятна, ни холода. Только шершавый камень под пальцами и запах — гвоздика и плесень. Я провела рукой по шву между блоками. Влажно.

Я отошла к кровати, села на край. Бархат был холодным, как речная вода.

— Девятая, — сказала я вслух. — Моё любимое число.

В соседней комнате призрак заплакал громче. Я закрыла дверь на засов, пододвинула к ней стул, потом сундук. Сняла с себя мокрое платье, натянула чужую рубашку, которая лежала на кровати. Она пахла лавандой — приторно, как в дешёвом саше.

Я лежала в темноте, слушала, как за стеной разговаривают мёртвые, и думала о той, другой, из другого мира. О той, которую полюбил император.

— Не буду, — прошептала я. — Не подойду. Не посмотрю. Не спрошу.

За стеной голоса стихли.

А потом я услышала шаги. Не призрачные — настоящие. Тяжёлые, неспешные, с лёгким пристукиванием каблуков о камень. Они прошли по коридору, замерли у моей двери. Тишина. Шорох — словно кто-то приложил ладонь к дереву.

Я замерла, зажала рот рукой.

Шаги двинулись дальше, к соседней комнате. Там остановились. Долго. Потом раздался голос — низкий, почти без интонации.

— Прости, — сказал император. — Я не хотел.

Ему никто не ответил.

Через минуту шаги ушли.

Я лежала в темноте и сжимала край подушки. Завтра меня представят совету. Завтра назовут невестой. Завтра сядет напротив за ужином и будет молчать.

Луна за окном накрылась облаком. Стало совсем темно.

Я не спала. Я слушала, как призраки шепчут имена тех, кого уже нет.

А под утро, когда серая мгла поползла по шпилям замка, я встала, подошла к зеркалу, повернула его обратно к стене. Не хочу видеть себя. Не хочу знать, что мои глаза стали чужими.

— Ты сможешь, — сказала я той, которая была внутри. — Не влюбляйся. Не приближайся. Не думай.

Я разбила кувшин с водой, подобрала осколок побольше и острым краем нацарапала на подоконнике:

«Любовь убивает. Помни».

Эпиграф на каждый день.

Когда за дверью зазвучали шаги секретаря, я уже сидела на кровати, собранная, тихая, готовая к новой лжи. Он открыл дверь, замер, увидев разбитый кувшин, но промолчал.

— Вас ждут, — сказал Лукан. — Совет лордов в сборе. Император приказал проводить.

Я встала, поправила рубашку, накинула платье. На подоконнике осталась царапина. Я не стала её прятать.

— Идёмте, — сказала я.

По пути я не оглядывалась. Только один раз, на лестнице, мне показалось, что кто-то коснулся моей щеки — холодными, влажными пальцами.

Я не обернулась. Я сжала кулаки и пошла дальше.

Впереди был совет. Впереди была свадьба. Впереди была смерть — либо моя, либо чья-то ещё.

Я решила: не моя.

Глава 6. Сделка с ледяным сердцем

Совет лордов заседал в малом тронном зале. Я узнала его по высоким окнам, по гербу над камином — волк, дуб, девиз, выбитый на камне: «Крепость. Верность. Молчание». Они молчали. Все до единого.

Длинный стол из тёмного дуба, за ним — двенадцать мужчин. Старые, молодые, с бородами и бритыми подбородками, в мехах и бархате, с перстнями на пальцах. Они смотрели на меня так, будто я была диковинным зверем, которого поймали в лесу и теперь привезли на потеху. Я стояла в центре зала одна. Платье — чужое, тесное, с чужого плеча — висело мешком. Волосы я не заплетала — они падали на лицо чёрными прядями, и я то и дело откидывала их, чтобы видеть глаза своих судей.

Император сидел во главе стола. Чёрный камзол, высокий воротник, лицо — ни кровинки. Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно, на чёрное озеро.

— Эта девушка, — начал старик с седой бородой, глава совета, — явилась из Лакримы. Её сочли ведьмой. Но император просит нас признать её невестой.

— Не просит, — поправил Данияр, не поворачивая головы. — Приказывает.

Совет зашумел.

— Ваше величество, — подал голос другой, с острым носом и бегающими глазками, — восьмая невеста не остыла ещё в могиле. Люди скажут…

— Люди скажут, что я исполнил свой долг. Роду нужен наследник. Эта женщина — травница, она полезна при дворе. Брак формальный. Она будет жить в северном крыле и не покинет замок.

— А если она колдунья? — спросил кто-то из глубины стола.

— Проверили. Тали говорит — нет.

Я молчала. Я смотрела на свои руки — бледные, с тонкими шрамами, с кольцом, которое вцепилось в палец чёрным камнем. Мне хотелось вырвать его, бросить в стену. Но я не шевелилась.

— Ты согласна? — спросил меня глава совета. — Знаешь, что участь прежних невест…

— Знаю, — сказала я. — Они умерли. Я не умру.

— Откуда такая уверенность?

— Просто знаю и все.

Совет замер. Кто-то перекрестился. Кто-то прошептал: «Богохульство».

— Все так говорили, ничего нового…

— Подписывай, — сказал император.

Контракт лежал на столе. Длинный пергамент, сургучная печать, тонкий почерк писца. Я взяла гусиное перо, макнула в чернила. Палец дрогнул.

— Читать не будешь? — спросил острый нос.

— А смысл? — ответила я. — Вы всё равно не отпустите.

Я поставила подпись. Верея. Без фамилии, без титула. Просто имя, которое стало моим.

Лорды поднялись. Кто-то поздравил императора. Он кивнул, но не улыбнулся. Вышел из зала, не попрощавшись. Я осталась стоять у стола, глядя на свою подпись — кривую, нервную, с хвостиком, который уполз вниз.

— Поздравляю, — сказал старик с седой бородой. — Вы — девятая. Да хранит вас лес.

Я не знала, хранит ли. Но я знала, что теперь у меня нет пути назад.

***

Вернулась в свою комнату уже затемно.

Луна снова заглядывала в окно, и снова на подоконнике виднелась свежая царапина: «Любовь убивает. Помни, дура». Я не стала её стирать. Села на кровать, сжала колени, уставилась в огонь.

Камин грел. Я не чувствовала тепла.

— Поздравляю с замужеством, — раздалось из угла.

Я не вздрогнула. Уже привыкла.

Из тени выступила она. Женщина в серебре. Не Лидия, не та, восьмая, — другая. Старше. Древнее. Её платье переливалось, как рыбья чешуя, и падало складками на пол. Волосы — седые, длинные, почти до пояса. Лицо красивое, но мёртвое — как у статуи, которую высекли из мрамора, а потом забыли оживить. Глаза — без зрачков, белые, как у слепой.

— Ты — первая, кто пришёл из другого мира, — сказала она. Голос — как звон тонкого стекла. — Кроме неё. Но та умерла.

— Не хочу знать, — сказала я.

— А ты узнаешь. Лес не терпит неведения.

Она подошла к кровати, села в ногах. Я отодвинулась. Холод пошёл по спине — не тот, от сквозняка, а тот, от которого коченеют позвонки.

— Я — Истра, — сказала она. — Ты читала мою книгу.

Я замерла.

— Не может быть. Истра умерла триста лет назад. Она стала деревом.

— Стала. Но лес не берёт мою душу. Я нужна ему — напоминать. Каждой невесте, каждому императору. Одна и та же песня. Ты не первая, Верея. И не последняя.

— Ты можешь снять проклятие? — спросила я.

— Могу. Но не хочу. Лес — мой дом. Я его часть. Проклятие — тоже.

— Тогда зачем ты пришла?

Она наклонилась ближе. Её лицо оказалось в ладони от моего.

— Предложить сделку.

— Какую?

— Ты отдашь мне свою память о том мире. О Москве. О пицце. О телефоне. О маме. О подруге, которая тонет сейчас в другой чёрной воде. А я дам тебе свободу любить без смерти.

— Ты же сказала — не хочешь снимать проклятие.

— Не снимать. Ослабить. Для тебя. Для него. Для одного поколения. Этого достаточно, чтобы вы родили детей и они не умерли в утробе. Но проклятие вернётся — к их детям. Им придётся искать свой путь.

Я молчала. Она ждала.

— А если не отдам? — спросила я.

— Тогда ты умрёшь, как они. Восемь девушек уже в земле. Ты будешь девятой.

— А он? Император?

— Он будет смотреть, как ты гаснешь. И ничего не сможет сделать.

Она протянула руку. Серебро на пальцах, серебро на запястьях. Я не взяла.

— Не сейчас, — сказала я.

— Когда?

— Не знаю. Мне дорога моя память, сначала я хочу найти Алису. Это все что у меня есть…

Она усмехнулась — губы треснули, потекли.

— Ты ещё придёшь. Когда полюбишь. А полюбишь ты скоро. Я вижу это в твоей тени.

Она встала и пошла к стене. Шаг — и растворилась, оставив на камне серебристый след, как от улитки.

Я осталась одна. Огонь в камине догорал. Я смотрела на него, пока угли не превратились в пепел.

В коридоре зазвучали шаги. Я не вскочила. Я ждала.

Шаги приблизились. Остановились.

Дверь отворилась без стука. На пороге стоял император. Без плаща, без камзола — в одной белой рубашке, расстёгнутой у ворота. Видна была ключица. Я отвела взгляд.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Не сплю, — ответила я.

— Я тоже.

Он вошёл, закрыл дверь. Сел на стул у стены. Я сидела на кровати. Между нами был стол с догоревшим камином и разбитый кувшин, который я не убрала.

— Ты боишься? — спросил он.

— Чего?

— Меня.

— Нет. Я боюсь себя.

Он посмотрел на меня. В его глазах — не лед. Что-то другое. Усталость? Боль? Я не умела читать эти знаки.

— Первая жена… — начал он.

— Не надо, — перебила я.

— Почему?

— Потому что если ты расскажешь, я подумаю, что тебе не всё равно. А мне нельзя думать.

Он кивнул. Помолчал.

— Тогда скажи мне одно. Ты веришь, что мы сможем выжить?

Я подняла глаза. Встретила его взгляд.

— Не мы. Я. Я выживу. А ты — ты умрёшь, если полюбишь. Так что не люби.

Он усмехнулся — горько, коротко.

— Легко сказать.

— Легче сделать.

Он встал. Подошёл к окну, упёрся лбом в стекло. Луна подсвечивала его профиль — острый нос, тяжёлая челюсть, шрам на скуле, которого я раньше не замечала.

— Я попробую, — сказал он. — Не любить.

— Я тоже.

Он вышел. Не попрощался.

Я осталась одна. Легла, укрылась одеялом, сжалась в комок. За стеной плакали призраки. Они пели мне колыбельную.

— Девятая, — шептали они. — Девятая. Не спи.

Я уснула под утро. Мне снилась Алиса. Она стояла на берегу чёрного озера, босиком, в белом платье, и махала мне рукой.

— Я здесь, — кричала я.

— Я знаю, — ответила она. — Но ты не найдёшь меня, пока не заплатишь.

Я проснулась с мокрыми щеками.

Солнце только вставало. За окном кричали птицы.

Я села на кровати, обхватила колени.

— Заплачу, — сказала я пустоте. — Но не сегодня.

Глава 7. Северное крыло

Я проснулась от того, что кто-то смотрел на меня.

Не открывая глаз, я чувствовала этот взгляд — тяжёлый, липкий, как старая смола. Он лежал на моём лице, на шее, на руках, вытянутых вдоль тела. Волосы на затылке встали дыбом, но я не шевелилась. Сквозь веки пробивался утренний свет — тусклый, серый, похожий на тот, что бывает перед грозой. Комната пахла сыростью, камнем и чем-то приторным — гвоздикой. Я слышала чужое дыхание: ровное, спокойное, без единой паузы. Будто человек, стоявший надо мной, забыл, как дышат живые.

— Вставай, — сказал голос. Не император, не призрак — живой, но мёртвый внутри. Хриплый, как шорох сухих листьев.

Я открыла глаза.

Над кроватью склонилась Тали. Её чёрные глаза сверлили меня насквозь — такие глубокие, что в них можно было утонуть, если смотреть слишком долго. Перстни на её пальцах тускло блестели в утреннем свете. Один — серебряный с выцветшей бирюзой — был надет на сустав, а не на основание, будто рука когда-то распухла и так и не вернулась в норму.

— Ты спишь слишком крепко для той, кто ночует в северном крыле, — сказала она. — Здесь не спят. Здесь слушают.

Я села. Простыня сползла, открыв чужую рубашку — мешковатую, с чужого плеча, пахнущую лавандой и старым деревом. Я не помнила, кто дал мне её вчера.

— Одевайся. На завтрак опоздаешь — император разозлится.

— Ему всё равно, — сказала я, растирая лицо. Кожа была липкой, соль выступила на лбу, будто я всю ночь бежала от погони.

— Ему не всё равно на порядок. Порядок — его религия. Он простит убийство, но не простит опоздание к столу.

Она вышла, не дожидаясь ответа. Дверь закрылась мягко, без скрипа — будто петли смазывали маслом каждое утро.

Я оделась. То же платье — вчера мокрое, сегодня высохшее и жёсткое, как мешковина. На подоле остались тёмные разводы: то ли грязь, то ли кровь. Я не стала рассматривать. Волосы собрала в узел на затылке, заколола единственной шпилькой — старый металл, погнутый на конце. В зеркало не смотрела. Знала, что увижу: бледное лицо, синие круги под глазами, потрескавшиеся губы.

В коридоре меня встретила тишина. Не та, пустая, что бывает в заброшенных домах, — а та, которая дышит, которая ждёт, которая сжимается вокруг тебя, как удав перед броском. Я пошла по каменным плитам, и каждый шаг отдавался эхом, но эхо было коротким, обрубленным — будто стены не хотели повторять чужие имена.

***

Малая столовая встретила меня запахом воска и холодного жира. Свечи горели ровно, без колебаний — три ряда, по пять в каждом. Император сидел за столом один.

Перед ним стояла тарелка с остывшей кашей — на поверхности застыла молочная плёнка, — чашка с молоком и кусок хлеба. Он не ел. Он смотрел в окно, за которым ничего не было, кроме серого неба и чёрных силуэтов старых лип.

— Садись, — сказал он, не поворачиваясь.

Я села напротив. Стол был длинным, на двенадцать персон, но мы сидели на самом краю, как двое случайных людей, которым некуда больше пойти. Служанка в сером фартуке — я не заметила, как она появилась, — поставила передо мной такую же тарелку. Каша была пресной, с горчинкой. Я не чувствовала голода. Я взяла ложку, чтобы занять руки.

— Ты говорила, что умеешь лечить, — сказал он.

— Умею.

— Лекарь Эдмон проверил твою книгу. Рецепты обычные. Ни колдовства, ни ядов.

— Я и не говорила, что они ядовиты.

— Тогда начнём. Восточное крыло, комната три. Там лежит старый солдат. Его рана не заживает уже три года. Если вылечишь — я прикажу оставить тебя в покое. Если нет — совет потребует казни.

— А вы? — спросила я, поднимая глаза. — Вы будете требовать?

Он посмотрел на меня. В его глазах не было холода. Только усталость — такая глубокая, будто он нёс на плечах весь этот замок, всех мёртвых, все эти тайны.

— Я буду смотреть, — сказал он. — Как всегда.

Он отвернулся к окну. Служанка убрала его тарелку — нетронутую.

***

Восточное крыло пахло смертью. Я узнала бы этот запах где угодно — тонкий, сладковатый, похожий на гвоздику, которой в старину пересыпали саваны. Он преследовал меня с самого утра, а здесь стал густым, почти осязаемым — как туман, который нельзя разорвать руками.

Комната была маленькой, с одним окном, затянутым бычьим пузырём. Свет сквозь него проходил мутный, желтоватый и падал на кровать, где лежал мужчина. Лет сорока, но выглядел на все шестьдесят. Кожа серая, глаза закрыты, губы потрескались и покрылись белым налётом. Он дышал часто, поверхностно, и каждый вздох сопровождался хрипом — будто внутри него кто-то ворочал камни.

— Здравствуйте, — сказала я. Он не ответил. Только веки дрогнули.

Я села на край кровати, откинула одеяло. Нога — левая, ниже колена — была обмотана грязными бинтами, пропитанными чем-то жёлтым и липким. Я размотала их. Ткань прилипла к ране, и когда я оторвала последний слой, солдат дёрнулся и застонал — глухо, не открывая рта.

Края раны почернели, как обугленная бумага. Из глубины сочился гной — густой, жёлто-зелёный, с хлопьями. Запах гвоздики шёл именно оттуда.

— Чем его лечили? — спросила я у служанки, которая стояла в дверях, вжавшись в косяк.

— Всем, — ответила она, не поднимая глаз. — Травами, молитвами, припарками из лягушек. Ничего не берёт.

— Припарки из лягушек — это чей совет?

— Эдмона. Он говорит, это помогает от гниения.

Я промолчала. В книге Истры не было рецептов с лягушками.

— Оставьте меня, — сказала я.

Служанка вышла. Я осталась одна.

***

Я потрогала лоб солдата — горячий, влажный. Посмотрела на язык — белый, с налётом, похожим на плесень. Понюхала гной — и меня чуть не вывернуло. Не от отвращения. От понимания.

— Тебя прокляли? — спросила я.

Он открыл глаза. Мутные, с жёлтой поволокой, с лопнувшими красными прожилками. Он смотрел на меня, но, кажется, не видел.

— Она сказала… не ходи… в лес… — прошептал он, выталкивая слова из груди с хрипом. — Я пошёл… убил зайца…

— Белого?

Он кивнул, и голова упала на подушку.

Я поняла. Это не рана. Это метка леса. Истра в своей книге писала: «Убьёшь зайца — будешь кашлять кровью столько дней, сколько он прожил». Но этот не кашлял. Он гнил заживо.

Я не знала, как лечить метку. Но я знала, как лечить гной. Простые травы — то, что делали крестьянки в своих домах, когда у мужа гноилась рука после топора. Я вышла в коридор, попросила чистые тряпки, кипяток и принесла свою книгу.

Кора ивы, календула, чеснок. Я промыла рану тёплой водой с отваром коры. Солдат кричал — негромко, хрипло, как подраненный зверь, у которого нет сил даже на боль. Я не останавливалась. Промывала снова и снова, пока вода не стала розовой, потом прозрачной. Потом смешала календулу с мёдом и чесноком, обернула чистой тряпкой, завязала.

Солдат затих. Его дыхание стало глубже, ровнее. Я положила руку на лоб — горячий, но уже не так.

— Я вернусь завтра, — сказала я.

Он не ответил.

***

Через три дня он открыл глаза и попросил есть.

Я сидела у его кровати, перебирая сухие цветы. Жар спал, гной почти не сочился, и запах гвоздики стал слабее — его почти перебивал запах трав. Солдат смотрел на меня долго, будто привыкал к свету.

— Ты — та, кто из воды вышла? — спросил он.

— Я — та, кто тебя лечит, — ответила я.

— Ведьма?

— Травница. Это разные вещи.

Он усмехнулся — впервые за три дня. Усмешка вышла кривой, но живой. На губах выступила кровь.

— Спасибо, — сказал он. — Я уж думал, помирать.

— Не помирай. Лес уже взял своё. Зайца не вернуть.

Он кивнул и закрыл глаза. Я ушла в свою комнату.

***

Ночью северное крыло оживало.

Сначала шаги — лёгкие, почти неслышные, словно кто-то ступал в войлочных тапочках. Они начинали далеко, в конце коридора, приближались, замирали у моей двери, отходили, снова возвращались. Я сжимала край одеяла, дышала через рот, чтобы не выдать себя. Сердце колотилось где-то в горле.

Потом шорох — как будто тяжёлое платье волочится по камню. И вздохи — тонкие, женские, похожие на стон, на плач, на песню, которую поют на погребении.

Я встала. Ноги не слушались, но я заставила их идти. Подошла к двери, приложила ухо к холодному дереву.

— Ты слышишь нас? — спросил голос. Не Лидии — другой, моложе, почти детский, но с той же пустотой.

— Слышу, — ответила я шёпотом.

— Мы не хотим тебе зла.

— Зачем вы здесь?

— Ждём ту, кто нас отпустит.

— Я не могу вас отпустить.

— Можешь. Лес берёт плату. Ты уже знаешь какую.

Я отступила от двери. Шаги удалились — медленно, нехотя.

Я легла, закрыла глаза. За стеной кто-то заплакал — сухо, привычно, будто слёзы стали частью распорядка дня.

— Я не могу, — прошептала я в подушку.

Никто не ответил.

***

Утром Тали ждала меня в коридоре.

— Солдат поправляется, — сказала она. — Император доволен.

— Император никогда не доволен, — ответила я.

— Ты права. Но он позволил тебе остаться. Это уже много.

Она взяла меня за руку. Её пальцы были холодными, сухими, как кора. Перстни впились в кожу.

— Слушай, Верея. Северное крыло — место, где заканчиваются живые и начинаются мёртвые. Ты уже слышала их. Ты уже говорила с ними. Это начало.

— Чего?

— Того, что ты станешь либо их голосом, либо их жертвой.

Она ушла. Я осталась одна в коридоре, где даже утром не было солнца.

До полуночи оставалось двенадцать часов.

Глава 8. Ужин с монстром

Подарок принесли на рассвете.

Я ещё не спала — лежала с открытыми глазами, слушала, как за стеной перешёптываются призраки. Сегодня они были тихими, почти ласковыми. Наверное, чуяли, что день будет тяжёлым.

Сначала скрипнула дверь в дальнем конце коридора — та, что вела на хозяйскую половину. Дерево тёрлось о камень, будто кто-то не торопился, хотел, чтобы его услышали. Потом шаги. Тяжёлые, но не грубые. Мужские, но не солдатские. Слишком размеренные для того, кто боится.

В дверь постучали — три раза, коротко, как по военному кодексу.

— Войдите, — сказала я.

На пороге стоял мужчина в чёрном камзоле, с серебряной цепью на шее — знак личного посланника императора. Лицо длинное, бледное, с родинкой под левым глазом. Он не смотрел на меня — в пол, на свои начищенные сапоги. В руках деревянный сундучок, обитый кожей.

— От императора, — сказал он и протянул сундучок.

Я взяла. Лёгкий, почти пустой. На крышке — герб: чёрный ворон на серебряном поле.

— Что это?

— Увидите.

Он поклонился и вышел. Не дожидался ответа, не просил передать благодарность. Шаги затихли так же быстро, как появились.

Я открыла.

Внутри лежало платье. Шёлковое, тёмно-синее, с серебряной вышивкой по вороту и рукавам. Ткань переливалась в утреннем свете, как вода в глубоком озере. Я провела пальцами — скользко, холодно, дорого. Такое стоило больше, чем вся моя жизнь до Лакримы.

Под платьем — записка. Одно слово: «Ужин». Почерк острый, угловатый, без подписи.

Я не успела надеть, когда в комнату втащили первый сундук.

Двое слуг в серых фартуках, с красными от натуги лицами, поставили его у стены и вышли молча. Следом — второй. Третий. Четвёртый. Пятый. Они громоздились у кровати, как маленькие гробы, пахли деревом, лаком и чем-то сладковатым — лавандой, которую клали между тканями.

Я открыла первый. Бархат. Тёмно-зелёный, тяжёлый, с золотым шитьём. Второй — парча, серебристая, холодная. Третий — кружево, белое, как иней, с длинным шлейфом. Четвёртый — шерсть, тёмно-серая, с меховой оторочкой. Пятый — всё сразу: шёлк, бархат, парча, кружево, переливающиеся в тусклом свете.

Я стояла среди них и не знала, что делать. В моей жизни не было такого количества платьев.

— Невеста императора не может ходить в обносках, — сказал голос за спиной.

Тали. Она вошла тихо, как всегда, сложила руки на животе. Её чёрные глаза скользили по сундукам, но на лице не было ни удивления, ни радости. Только привычная усталость.

— Передай ему спасибо, — сказала я.

— Передай сама. Сегодня за ужином.

Она ушла. Я осталась одна среди шёлка и бархата.

***

К вечеру я выбрала тёмно-синее. То, что пришло первым. Самое простое — без кружев, без меха, без золота. Только серебряная вышивка на вороте, напоминающая звёзды. Оделась сама — крючки сегодня поддались легче. Волосы распустила, не стала собирать в узел.

Я оглядела комнату в поисках зеркала. Его не было. Ни на стене, ни на туалетном столике, ни даже маленького ручного — такого, что служанки носят в карманах. Только пустой гвоздь над умывальником, где недавно висело что-то тяжёлое.

— Почему в моей комнате нет зеркала? Куда оно исчезло? — спросила я у Тали, которая появилась в дверях с полотенцем через руку.

Та помолчала. Её чёрные глаза блеснули, но не зло — скорее, устало.

— Во всём замке больше нет зеркал, — сказала она. — Император приказал вынести все. После того, как одна из придворных дам увидела в своём зеркале не своё отражение.

— И что там было?

— Мёртвая. Которая смотрела на неё и улыбалась. Через три дня дама умерла — сердце остановилось. А зеркало разбилось само. Осколки порезали трёх слуг, пока их убирали.

Я сжала край стола.

— Зеркало считается порталом в потусторонний мир, — продолжила Тали. — Замок и так проклят. Кишит призраками. Император сказал: не будем больше открывать им лишнюю дверь.

Она вышла. Я осталась одна, провела рукой по пустой стене. Гвоздь был ржавым, старым — его не трогали десятки лет.

***

В малой столовой он ждал меня ровно в восемь.

Я узнала время по телу: под рёбрами заворочался голод. Только вода из холодного кувшина с утра.

Я стояла за дверью дольше, чем следовало. Прижимала ладони к животу, слушала, как тикает где-то вдалеке замковое время — глухо, нехотя, будто стены не хотели его пропускать.

— Входите, — сказал голос изнутри. Спокойный, низкий.

Я толкнула дверь.

Столовая оказалась маленькой — не парадной, для двоих. Окна зашторены, единственный свет — свечи в серебряных подсвечниках. Три слева, три справа. Пламя стояло неподвижно, как в часовне.

Император сидел во главе стола. Сегодня без плаща, в тёмно-синем камзоле с высоким воротником. Волосы зачёсаны назад, лоб открыт — белый, без единой морщины, но какой-то больной. Под глазами залегли тени — глубокие, синие, как ночная вода в Лакриме.

— Садись, — сказал он, не глядя на меня.

Я села напротив. Между нами — фарфор с синей каймой, серебряные ложки, хрустальные бокалы. В центре стола супница, от которой поднимался лёгкий пар. Рядом — хлеб, кувшин с вином. Всё горячее, свежее.

— Ты вылечила солдата, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

— Да.

— Чем?

— Кора ивы. Полынь. Календула. Чеснок. Всё, что было в книге.

Он поднял бровь. Левую — выше правой.

— Чеснок?

— Он убивает гниль. Не магией — кислотой. Я не колдую.

— Я знаю. Лекарь проверил твою книгу. Ничего запрещённого.

Он налил себе вина, отпил. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, чистая кожа, ни одного кольца. Только старый шрам на указательном, белый, как нить.

— Ешь, — сказал он, кивнув на супницу.

Я взяла ложку. Суп оказался горячим, наваристым, с кусочками моркови и лука. Пар обжёг губы, но я не остановилась — голод пересилил. Съела половину. Вкус был простым, почти деревенским, но это было лучше, чем холодная похлёбка прошлых дней.

— Ты не боишься, что меня отравят? — спросила я, не поднимая глаз.

Он поставил бокал.

— Они не сочтут нужным переводить яд. Они уверены, что проклятие заберёт тебя. Так было. Есть. И будет.

— А если нет?

— Если проклятие не заберёт — значит, ты необычная. Значит, они ошибутся. Но они не привыкли ошибаться.

Я положила ложку.

— Ты говоришь о них так, будто они уже всё решили.

— Они решили задолго до твоего рождения. Лорды не любят меня. Я — император, который не даёт им воровать. Который не спит с их жёнами. Который не подписывает указы о новых землях. Они терпят меня, пока я силён. Но каждый из них ждёт момента, когда я ослаблю хватку.

— Чтобы перерезать вам глотку? — спросила я.

Он усмехнулся — сухо, без звука.

— Именно.

— А я? Чем я им мешаю?

— Ты — невеста. Если ты забеременеешь, у меня появится наследник. Тогда они не смогут просто убить меня — начнётся борьба за регентство. Это сложнее. Кровнее. Они не хотят войны, они хотят тихой смерти. Поэтому пока ты бесплодна — ты не опасна. Как только в тебе зародится жизнь — они начнут охоту.

Он сказал это спокойно, будто обсуждал погоду. Я сжала край стола.

— Ты поэтому привёз меня сюда? Чтобы я родила тебе наследника?

— Нет. Я привёз тебя, потому что Тали сказала, что возможно ты поможешь остановить проклятие. Я не особо верю в это , но выбора у меня нет. А наследник… если он будет — хорошо. Если нет — я найду другую.

Он посмотрел на меня. Впервые за весь вечер — прямо, в глаза, без прищура, без этой привычки смотреть сквозь.

— Вы несчастный, — сказала я.

— Я такой, какой я есть.

Он встал, отодвинул стул. Свечи дрогнули — пламя качнулось, будто кто-то вздохнул. Его рука оказалась рядом с моей. Пальцы почти коснулись. Я отдёрнула.

— Боишься? — спросил он.

— Нет. Осторожничаю.

— Это одно и то же.

Он вышел. Не попрощался. Не оглянулся. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Я осталась одна. Доела суп. Допила вино — терпкое, горьковатое, с запахом дыма и мёда.

***

В коридоре меня ждала тишина. Не та, что пугает — та, что слушает. Я шла в свою комнату, считая шаги. Тридцать два до лестницы. Сорок до поворота. Двадцать до двери.

В комнате горел камин. Я подошла к огню, протянула руки. Пальцы были ледяными.

За стеной зашептались. Сначала один голос, потом второй, третий. Они шептали моё имя, перебирали, как чётки.— Он боится. Как и мы. Как и все здесь, — ответил старый.

— Он боится не призраков. Он боится себя, — добавил третий, женский, с хрипотцой.

Я не отвечала. Легла на кровать, закрыла глаза.

Завтра меня представят двору. Завтра я начну врать. Скажу, что счастлива. Скажу, что император добр. Скажу, что не колдунья. А потом вернусь в эту комнату, сяду у окна и буду смотреть на чёрное озеро, которое не отражает луну.

— Девятая, — прошептали они в последний раз.

— Девятая, — ответила я.
И провалилась в сон.

Глава 9. Лекарь

Лекарь жил в северной башне — там, где замок соприкасался со скалой и где даже днём царил полумрак. Я шла по винтовой лестнице, ступени под ногами были стёрты до блеска, будто их поливали железным скребком: тысячи ног, сотни лет, десятки смертей. Воздух здесь пах сыростью, ржавчиной и чем-то приторным, что я уже начинала узнавать — гвоздика. Смерть пахла гвоздикой и старой тряпкой.

Дверь оказалась приоткрытой. Я постучала костяшками, никто не ответил. Толкнула — и вошла.

Комната оказалась не кабинетом — лабораторией. Вдоль стен от пола до потолка стеллажи со склянками, банками, керамическими горшками. На каждой этикетка мелким, аккуратным почерком: *«Белена — яд», «Красавка — наружно», «Кора ивы — от жара»*. Я узнала этот почерк. Истра. Травница, которая прокляла род. Её книга лежала у меня в комнате, и я уже сравнила — тот же росчерк.

Посередине стоял массивный дубовый стол, заваленный бумагами, сухими растениями, ступкой и пестиком. Над ним висела масляная лампа с кованым абажуром — свет выхватывал только рабочую зону, углы тонули в сумраке. В одном углу я разглядела кровать с чистым бельём, в другом — распятие. Значит, Эдмон верил во что-то, что не мог объяснить.

— Закрой дверь, — сказал голос из темноты. — Сквозняк губит настойки.

Я закрыла. Щёлкнул засов, и тишина стала плотной, как вода в Лакриме.

Из тени вышел мужчина. Я ожидала старика с дрожащими руками — ошиблась. Эдмону было лет сорок, может, сорок пять. Худое лицо, глубокие морщины вокруг глаз — не от возраста, от того, что он много смотрел на умирающих. Глаза серые, живые, цепкие, без ледяной пустоты императора. В них была усталость и какая-то тёплая, почти отцовская грусть. Волосы тёмные, с густой сединой на висках, зачёсаны назад. Одет в чёрный камзол, поверх — кожаный фартук с карманами, откуда торчали ножницы, пинцет, стеклянные трубочки.

— Верея, — сказал он, и это не было вопросом. — Я ждал тебя. Садись.

Он указал на табурет у стола. Я села. Он — напротив, по другую сторону.

— Ты не похожа на восьмую, — сказал он, разглядывая меня. — Восьмая была рыжей. И плакала.

— Мне некогда плакать.

— Посмотрим.

Он открыл ящик, достал пузырёк с мутной жидкостью, протянул.

— Понюхай.

Я понюхала. Резкий, кислый запах, с горьковатым оттенком — что-то знакомое.

— Боярышник? — спросила я.

Эдмон удивлённо приподнял бровь.

— Ты знаешь этот запах?

— В моём мире его пьют для сердца. — Я осеклась, вспомнив наказ Тали: никто не должен знать. Но Эдмон уже кивнул.

— Значит, Тали не солгала. — Он убрал пузырёк. — Здесь боярышник используют, чтобы отсрочить удар. Восьмой я давал его каждый день. Она прожила дольше всех.

— Но не выжила.

— Ни одна не выжила.

Он помолчал, разглядывая мои руки.

— Разденься.

— Что? — Я не поняла.

— Император приказал проверить, можешь ли ты иметь детей. Брак с тобой нужен для наследника. Если ты бесплодна — контракт будет расторгнут, и тебя вышлют из замка. А это верная смерть. Ты поняла?

Я сжала край платья.

— Он мог бы спросить сам.

— Он не спрашивает. Он приказывает. Я — лекарь. Я исполняю.

Я заставила себя встать. Стянула платье до пояса, оставив только тонкую рубашку. Стыд обжёг щёки, но я смотрела ему в глаза, не отводя взгляда.

Эдмон подошёл ближе. Его пальцы были холодными, профессиональными — он прощупал мой живот, бока, ключицы. Постучал по грудине, послушал дыхание, приложив ухо к спине.

— Дыши.

Я дышала.

— Глубже.

— Что вы ищете?

— Магические изменения. Проклятие иногда оставляет метки на теле. У предыдущих невест были сгустки крови под кожей, странные родимые пятна. У тебя… чисто. — Он отстранился. — Ложись на кушетку.

Кушетка была жёсткой, обитой кожей. Я легла, не глядя на него. Он поднял рубашку до рёбер, нажал на низ живота.

— Больно?

— Нет.

— А здесь? — Он надавил чуть выше.

— Ничего.

Эдмон взял с полки стеклянную трубочку с закруглённым концом, смазал её какой-то жирной мазью.

— Расслабься. Я не причиню вреда.

Я зажмурилась. Ощущение было неприятным, но не болезненным. Он бормотал что-то себе под нос, потом вынул инструмент.

— Всё в порядке. — Он вытер руки тряпкой. — Ты здорова. Матка в норме, нет закупорок, нет старых кровотечений. Детей родить сможешь.

— Император обрадуется, — сказала я с горечью.

— Император обрадуется, — повторил он без тени иронии. — Ты — его последняя надежда.

Я села, натянула платье, застегнула крючки.

— Теперь расскажи мне о восьми. — Я хотела сменить тему.

Эдмон сел напротив, сложил руки на столе.

— Первая не боялась. Думала, любовь побеждает проклятие. Прожила двенадцать дней. Вторая плакала постоянно. Третья злилась — кричала, разбила окно. Четвёртая пыталась отравить императора, но выпила яд сама. Пятая молилась. Шестая читала стихи. Седьмая молчала восемь дней, потом заговорила и умерла через месяц. Восьмая, Лидия, вела дневник. Писала: «Кажется, проклятию достаточно надежды». Через два дня её не стало.

— И все они влюблялись?

— Все. Или почти все. Лидия сопротивлялась дольше, но сердце не обманешь.

— А если я не влюблюсь?

— Тогда, возможно, ты первая, кто не умрёт.

— А что насчёт детей? — спросила я. — Даже если я выживу, ребёнок… он будет проклят?

Эдмон помрачнел.

— Лес берёт плату не только с любящих. Дети, рождённые от проклятого императора, носят метку с рождения. Они не смогут любить, пока кто-то из них не принесёт жертву. Так говорит Истра.

— Жертву — память?

— Да. Но никто из них ещё не выжил, чтобы проверить.

Я замолчала. Он достал из ящика кожаный мешочек на шнурке и положил передо мной.

— Амулет. Для каждой невесты делал. Корень папоротника, сухая кровь, серебряная пыль. Не спасёт, но отсрочит боль, когда придёт время.

— Когда придёт время?

— У тебя пойдёт кровь из носа. Это первый признак. Потом кашель, потом — кровь горлом. Я не смогу помочь.

Я взяла амулет. Тёплый, будто живой. Надела на шею, спрятала под платье.

— Вы давали его всем?

— Всем. Ни одна не отказалась.

— И ни одна не выжила?

Он не ответил — только покачал головой.

— Ступай, Верея. Император ждёт тебя к обеду.

— Почему вы мне всё это рассказываете? — спросила я. — Почему не оставите в неведении?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Потому что я держал за руку восьмерых и видел, как они гаснут. Я не хочу держать девятую.

— Вы не будете.

— Посмотрим.

Я вышла в коридор. Северное крыло молчало — но не той пустотой, которая бывает в заброшенных домах, а той, которая дышит, которая ждёт.

Я нащупала под платьем амулет. Он всё ещё был тёплым.

— Спасибо, — прошептала я.

Никто не ответил.

Только где-то за стеной, в башне, звякнули склянки. Эдмон начал новый день.

А я пошла в свою комнату — тридцать два шага до лестницы, сорок до поворота, двадцать до двери.

Я знала, что скоро начнётся самое страшное.

Но почему-то мне уже не было так страшно.

Глава 10. Гадалка Тали

Она жила в подвале — вырубленном прямо в скале, с низким сводчатым потолком, который давил на плечи, и стенами, дышавшими теплом, будто за ними работала огромная печь. Я спускалась по винтовой лестнице, и каждый шаг отдавался глухим эхом, расползавшимся по каменным кольцам, как круги на воде. Ступени были гладкими, отполированными сотнями ног, стёршими за триста лет даже узоры. На ощупь они казались тёплыми — почти живыми, словно скала сама грела их снизу.

Я считала шаги, чтобы не потеряться в давящей тишине. Тридцать два. Тридцать три. Тридцать четыре. Пахло полынью, воском и чем-то сладковато-горьким, от чего щипало ноздри. Где-то внизу мерно капала вода — кап, кап, кап — гипнотический звук, заставлявший забывать, зачем я сюда пришла.

На последней ступеньке я остановилась.

Внизу было темно, но не вязко, как в коридоре северного крыла, — иначе. Тьма здесь казалась живой, подвижной, она дышала в такт каплям и перетекала из угла в угол. Единственная свеча горела на столе, её пламя не колебалось, хотя сквозняк тянул из чёрного провала в стене — слишком правильной формы, чтобы быть простой трещиной. Вероятно, вход в другую комнату, но мне туда пока не нужно.

— Заходи, Верея, — голос Тали прозвучал так близко, будто она стояла рядом, хотя сидела в дальнем углу. — Я ждала тебя раньше.

Она сидела в низком кресле с высокой резной спинкой. Тёмная шаль с длинной бахромой почти касалась каменного пола и шевелилась от сквозняка, как щупальца. Платок на голове сбился набок, открывая жёсткие седые пряди. Ей было всё равно, как она выглядит — здесь, в подвале, никто не видел её лица, кроме свечей и карт.

Я разглядела её руки, когда она поправила шаль. Сухая, морщинистая кожа, выступающие вены, унизанные перстнями — красный, зелёный, чёрный, и ещё один с мутным камнем. Ногти жёлтые, с заусенцами. Руки старой женщины, перевидавшей столько смертей, что перестала их бояться. В пальцах она держала колоду карт — единственное, что не выпускала даже во сне.

Карты были не из моего мира. Длиннее, уже, с рисунками, которые двигались на свету. Я заметила, как шевелятся крылья чёрной птицы, как поворачивается голова падающего человека. Я отвела взгляд — от них становилось не по себе.

— Садись, — кивнула она на табурет. Я села, дерево подо мной жалобно скрипнуло. — Вижу, ты встретилась с лекарем, и с призраками, и с женщиной в серебре. Ты быстрая. Медлительные здесь не выживают.

— Откуда вы знаете? — спросила я. — Я никому не говорила.

Тали усмехнулась — устало, без злорадства.

— Стены здесь не для того, чтобы скрывать. Они помнят. Говорят со мной, когда я сплю. Шепчут имена, даты, последние слова. Слышала бы ты, что шепчет северное крыло.

Она прислушалась, склонив голову. Я тоже — ничего, только капли.

— Там столько слёз, что камень пропитался солью, — сказала она. — Приложишь палец к стене — почувствуешь вкус горя.

— Не сейчас.

— И правильно. Нечего горе пробовать на язык.

Она положила карты на стол и накрыла их ладонями. Ногти царапнули по картону — сухой, режущий звук.

— Ты хочешь спросить о проклятии или о подруге?

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться.

— О подруге. Где она? Жива? Помнит меня?

Тали подняла глаза. Чёрные, бездонные, без зрачков — только тьма, в которой я увидела своё отражение. Два испуганных лица.

— Жива. В Тенебрии, в замке маршала Севериана. У другого чёрного озера. Та же вода, тот же лес, тот же холод, тот же страх по ночам.

— Она помнит меня?

— Первые дни не знала своего имени, как и ты. Чужая душа не сразу прирастает к чужой плоти — трётся о кости, ищет место, пугается каждой тени. Но теперь вспомнила. Помнит пиццу, телефон, запах дождя в том городе. И как вы нырнули.

Горло сжалось, но я не позволила себе заплакать — не здесь, не перед этой женщиной, видевшей восемь смертей.

— Её зовут Алиса.

— Здесь она будет Алисией. Имена имеют силу. Не называй её прошлым именем вслух — лес услышит.

— Почему?

— Лес ревнив. Не любит, когда тоскуют по другому миру. Может забрать тоску вместе с памятью.

Я хотела спросить, что это значит, но Тали подняла руку — перстни звякнули.

— Вопросов много, ответов мало. Я не всезнающая. Вижу только то, что уже есть. Будущее пишут живые.

— Я должна к ней.

— Не сейчас. Сейчас ты должна выжить здесь. Ваши судьбы переплетены тонкой нитью. Если ты оборвёшься — она почувствует боль, но не упадёт. Если она ослабнет — ты потеряешь что-то важное.

— Что?

— Этого карты не видят.

Она убрала руки. Карты лежали рубашкой вверх — на каждой чёрный глаз. Двадцать один глаз смотрел на меня.

— Хочешь узнать, что тебя ждёт? — спросила Тали. — Я раскрою три карты. Не бойся — это не приговор, только окна.

— Не надо, — сказала я, но она уже перевернула первую.

Человек, падающий с высокой башни. Я узнала замок Вэлнес по зубчатым стенам и чёрному озеру у подножия. Глаза падающего закрыты, руки раскинуты, вокруг летят птицы с длинными хвостами-ножами. Он молчит.

— Падение, — голос Тали стал ниже. — Ты можешь потерять себя. Не тело — душу. По этому пути прошли все восемь.

— Что значит «потерять себя»?

— Стать тенью. Или забыть, кто ты, навсегда. Лес забирает суть.

Она перевернула вторую карту. Меч в сердце женщины с распущенными волосами. Кровь стекает по клинку, но женщина улыбается, глядя куда-то вверх, на свет.

— Жертва. Кто-то отдаст всё, чтобы спасти другого. Не факт, что это будешь ты. Карты не различают лиц — только суть.

— Кто-то — это кто?

— Может, ты. Может, он. Может, та, кого ты ищешь, или та, кто уже ушёл. Карты не дают имён.

— А что на четвёртой? — спросила я, хотя знала, что карт будет три.

— Третья — самая важная, — ответила Тали и перевернула последнюю.

Пустота. Белый лист, без рисунка, без красок, без единого символа. Ничего.

— Это то, что ты можешь сделать сама. Карты не видят твоего выбора. Ты — чужая, не подчиняешься законам этого мира. Можешь свернуть на свой путь.

— Это плохой прогноз?

Тали посмотрела на меня долгим взглядом.

— Предупреждение. Я видела восемь девушек до тебя. Восемь раз выпадало только падение — без жертвы, без пустоты. Тебе выпали все три. Что выберешь — не знаю даже я.

Она собрала колоду. Карты сложились сами, зашелестели.

— Я не скажу, что делать. Показываю окна. Открывать или заколотить — решать тебе.

Она протянула мне карту с пустотой. Холодная, гладкая. На обороте — чёрный глаз, смотрящий в упор, куда бы я ни повернула.

— Спрячь. Смотри на неё, когда станет страшно. Напоминание, что будущее не высечено в камне.

— Что будет с Алисой, если я упаду?

— Заплачет, но выживет. У неё своя дорога. Не тащи её на себе.

— А если выживу?

— Тогда встретитесь. Но не раньше, чем обе заплатите цену.

— Какую?

Тали покачала головой. Перстни звякнули в последний раз.

— Не спрашивай. Карты не говорят об этом вслух.

Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Я встала. Ноги затекли, в спине ныло.

— Тали? — сказала я, уже взявшись за перила лестницы.

— Что?

— Вы верите, что я смогу изменить будущее?

Она открыла глаза. В них снова была только тьма.

— Верю в то, что вижу. А вижу девушку, которая не боится смотреть на пустоту. Таких здесь не рождают. Чужие всегда приносят ветер перемен.

Я поднялась по лестнице, перешагивая через ступеньки. Тридцать четыре шага. На верхней наступила на что-то мягкое — чёрное перо с серебристым отливом, точно такое же, как на карте. Оглянулась — свеча горела, тень Тали лежала на стене, но сама она исчезла.

Я спрятала перо в карман и пошла к себе. Коридоры уже начинали казаться почти родными. Северное крыло молчало. Но в тишине я слышала не просто дыхание замка — я слышала дыхание того, что ждало меня впереди. Пустота. Выбор.

Я сжала карту в руке и пообещала себе: я не упаду.

Визуал главы 10.

Глава 11. Первое покушение

В ту ночь сон не шёл ко мне. Не страх перед призраками — к их плачу за стеной я почти привыкла, он стал частью замковой тишины, как скрип половиц или завывание ветра в трубе. Просто чужое тело никак не желало принимать чужую постель. Простыни пахли лавандой — приторно, навязчиво, а в Москве моя квартира пахла ромашкой и старыми книгами. Я лежала на спине, уставившись в потолок, и слушала, как за стеной мёртвые девушки ведут свои неспешные разговоры: одна всхлипывала, другая шептала, третья перебирала чётки — сухой дробный стук, который я уже научилась пропускать мимо ушей.

На прикроватном столике лежала карта, подаренная Тали. Белый лист, упрямо хранивший пустоту. Я брала его в руки раз десять, вглядывалась в гладкую поверхность, надеясь разглядеть хоть трещинку, хоть пятнышко — знак. Ничего. Только моё дыхание запотевало картон и бесследно исчезало.

Камин прогорел, угли ещё дышали теплом, но по комнате уже разливался холод, тянущийся от каменных стен. Я накинула серый плащ, висевший в шкафу — он пах нафталином и чужой тоской — и вышла в коридор.

Северное крыло походило на заброшенный лазарет: та же неестественная тишина, тот же запах карболки и застарелой крови. Факелы горели через один, и тени метались по стенам, словно живые. Я пошла наугад, без цели — просто чтобы не сидеть в четырёх стенах, которые начинали давить на череп.

Маршрут я выучила наизусть за несколько дней. Двадцать шагов до лестницы, сорок до поворота, пятнадцать до галереи с портретами. Я считала не от скуки — от страха заблудиться в этом каменном лабиринте. Замок Вэлнес строили так, чтобы чужаки блуждали в переходах до самой смерти.

Портреты провожали меня масляными глазами. Императоры, императрицы, дети в кружевных воротничках — все одинаковые: тяжёлые подбородки, тонкие губы, взгляды исподлобья. Род, который разучился улыбаться, потому что проклятие запрещало им радоваться.

Я уже собралась повернуть обратно, когда впереди послышались шаги. Настоящие, не призрачные — тяжёлые, уверенные, с лязгом металла о камень. Я замерла, вжалась в нишу, где когда-то стояла статуя святого. От неё остался лишь постамент да бледный след от нимба на стене.

Шаги приближались. Я различала несколько пар сапог. Голоса — приглушённые, но в ночной тишине каждое слово било наотмашь.

— …уверен, что одна?

— Да. Император в западном форте, охрана сменилась десять минут назад. Следующая смена через час. Успеем.

— А лекарь?

— Лекарь глушит настойку после ужина. До утра не проснётся.

— Приказ?

— Убрать девятую. Как и предыдущих. Чтобы никто не догадался.

Я зажала рот ладонью. Сердце колотилось так громко, что казалось — его стук выдаст меня с головой. Они шли в мою комнату. Северное крыло, комната третья. Моя.

Я скользнула в боковой проход, ведущий к запасной лестнице. Никогда там не бывала, но старые замки полны тайных ходов. Сейчас я молилась, чтобы это оказалось правдой.

Коридор оказался узким, с низким потолком, под которым приходилось сутулиться. Пахло плесенью и мышиным помётом. Где-то в глубине мерно капала вода — кап, кап, кап — словно метроном, отсчитывающий мои последние секунды. Я бежала почти наощупь, выставив руки вперёд, чтобы не врезаться в стену.

За спиной топот — они поняли, что я сбежала.

— В обход! Перехватите у чёрной лестницы!

Чёрной лестницы? Я понятия не имела, где она. Коридор разветвлялся. Я бросалась то влево, то вправо, сбилась со счёта поворотов и потеряла всякое представление о том, где нахожусь — в северном крыле, восточном или уже в подвалах. Стены здесь были грубыми, неотёсанными, без штукатурки. Служебные переходы, куда не заглядывают гости.

— Здесь! — крикнули совсем рядом.

Я рванула вперёд и налетела на что-то твёрдое.

Человек. Высокий, широкоплечий, в лёгком доспехе. Я открыла рот, чтобы закричать, но он зажал мне рот ладонью — мозолистой, грубой, пропахшей кожей и конским потом.

— Тихо, — шепнул он. — Я свой.

Капитан Дориан. Я узнала его по голосу — хрипловатому, с лёгкой картавостью. Он убрал руку и оглянулся.

— За мной.

Он увлёк меня в закуток, заваленный старыми мешками. Мы присели на корточки, прижавшись спинами к холодной стене. Я слышала его дыхание — частое, с присвистом. Ранен? Или просто запыхался.

— Сколько их? — прошептала я.

— Трое. Может, ещё подойдут.

— Зачем вы мне помогаете?

— Присягал императору. Вы — его невеста. Этого довольно.

— Вы не любите императора, — сказала я.

— Любовь тут ни при чём, — отрезал он, осторожно выглянул из укрытия. — Ушли. Но ненадолго. Вам нужно вернуться в комнату.

— Чтобы они убили меня там?

— Чтобы они не нашли вас здесь. В вашей комнате есть потайная дверь. За гобеленом, слева от камина. Идите.

Я кивнула.

— Я задержу их.

— Они убьют вас.

— Попробуют.

Он выпрямился и исчез в темноте коридора. Я услышала его шаги, потом крик, потом звон металла. Потом тишину. Я сидела в закутке, прижимаясь спиной к камню, и молилась — не богам, которых здесь, кажется, не было, а просто пустоте, чтобы Дориан остался жив.

Через несколько минут он вернулся. Рубашка на левом плече пропиталась кровью, лицо было белым, но глаза оставались злыми, живыми.

— Идём, — сказал он. — Двоих я уложил. Третий удрал.

Мы поднялись по лестнице — я поддерживала его под руку, чувствуя, как его тело тяжелеет с каждым шагом. В моей комнате я усадила капитана на стул, стащила рубаху (он даже не пикнул) и принялась промывать рану. Ножом, чистой тряпкой, кипятком из кувшина, который стоял у камина.

— Вы умеете шить? — спросил он, когда я взяла иглу.

— Умею лечить, — ответила я.

Он замолчал, пока я зашивала его рану. Держался молодцом — ни звука, только кулаки побелели на коленях.

— Вы — первая, кто не плачет, — сказал он, когда я закончила. — Восьмая плакала. Седьмая молилась. Шестая проклинала. А вы шьёте.

— Кто их убил? — спросила я. — Не проклятие. Я знаю — не оно.

— Не знаю, — ответил он. — И не хочу знать. Моё дело — защищать.

— Меня?

— Императорскую семью.

Мы помолчали. Дориан поднялся, поморщился — плечо дало о себе знать.

— Уходите, — сказал он. — Вам нужно отдохнуть. Завтра совет лордов. Будет шумно.

— Вы придёте?

— Если буду жив.

Он вышел. Я задвинула засов, пододвинула к двери сундук, села на кровать и уставилась на догорающие угли камина. За окном начало сереть — первый петух, второй, третий. Я пересчитала.

Первое покушение пережито.

Второе нагрянет завтра. Или послезавтра. Или через час.

Я знала это — и знала, что выживу.

Не от силы.

От безысходности.

Глава 12. Ночь в кресле

Той ночью я не спала. Не из страха перед призраками — их голоса за стеной давно слились с треском дров и завыванием ветра в трубе. Я лежала на боку, поджав колени к животу, и рассматривала трещину в штукатурке, которая при свете догорающих углей напоминала чей-то профиль. За этой стеной, через два каменных блока, находилась комната, где умерла Лидия. Призраки шептали её имя по ночам, когда думали, что я сплю.

Они ошибались. Я не спала. Я слушала.

Камин давно прогорел, угли ещё тлели багровыми глазницами, но тепла не давали. Холод подбирался к коже, заставляя глубже кутаться в одеяло, пахнущее лавандой и чужой печалью. Сегодня совет лордов решит мою судьбу. Император обещал защиту — холодную, как его взгляд, формальную, как брачный контракт. После ночного нападения я знала: этого мало. И всё же, когда за дверью послышались шаги, я не испугалась.

Мягкие, почти бесшумные, но не призрачные — те ступают босиком, оставляя за собой запах сырой земли. Этот кто-то носил кожаные сапоги с твёрдой подошвой: узкий носок, глухой удар пятки, пауза. Я узнала бы эту поступь из тысячи. Он остановился у моей двери. Молчал.

Я замерла, перестала дышать. В груди колотилось так громко, что, казалось, этот стук разбудит всех мертвецов северного крыла. Тишина стала плотной, как вода в Лакриме, и мне почудилось, что ещё миг — и я захлебнусь.

Потом щёлкнул замок.

Я вскочила, прижалась к спинке кровати, но не закричала. Ключ был не тот, грубый, что у стражников, — старый, тяжёлый, с бородкой, повторявшей очертания волчьей головы. Скважина лязгнула, пропуская его, будто нехотя. Такие ключи висели только на поясе императора.

Дверь отворилась без скрипа — петли смазывали, чтобы тайное не стало явным. В проёме замерла фигура в тёмном плаще с меховым воротником, от которого пахло дымом и снегом. Император.

— Вы? — прошептала я, хотя других вариантов не осталось. — Зачем? Сейчас ночь. Почему не спите?

Он не ответил. Вошёл, не спрашивая разрешения, закрыл дверь и задвинул тяжёлый дубовый засов — тот самый, который я сама с трудом передвигала. Я следила за его руками: длинные пальцы, чистые ногти, старый шрам на указательном, белый, как нить. Они не дрожали. Он действовал уверенно, будто зашёл не в спальню к невесте, а в свой кабинет — подписывать указы.

Снял плащ, повесил на спинку стула у камина — моего стула, с которого я обычно разглядывала догорающие угли, перебирая в памяти травы из книги Истры. Теперь стул занял он. Уселся, откинулся, положил руки на подлокотники. Я осталась на кровати, поджав ноги к груди, и чувствовала себя не хозяйкой этой комнаты — пленницей, которую пришли охранять. От кого — от собственного мужа?

— Вы не спите, — сказал он. Не вопрос — констатация.

— Не сплю. — Я помолчала. — А вы почему?

— Я сплю мало.

— Заметно. У вас круги под глазами.

Он усмехнулся — уголком губ, беззвучно, почти невесомо.

— Вы тоже не красавица после бессонной ночи.

— Я и в хорошие ночи не красавица, — вырвалось у меня без фильтра.

Он посмотрел на меня. В его серых глазах, окаймлённых тёмной полосой, не было льда — только усталость и странное, почти человеческое любопытство.

— Вы всегда говорите то, что думаете?

— Пытаюсь. Во лжи путаюсь.

— Непривычно. — Он замолчал, потом добавил: — Все мои невесты врали. С первой до восьмой.

— Чем же?

— Что счастливы. Что я им нравлюсь. Что они не боятся.

— А я не говорю, что счастлива. Вы мне не нравитесь. И я боюсь.

— Я заметил. — Он понизил голос: — И это единственное, что мне в вас нравится.

Я не поняла, шутит он или говорит серьёзно. Его лицо оставалось непроницаемым, как крепостная стена.

— Зачем вы пришли? — спросила я. — У вас всегда есть причина.

— Есть. — Он повернулся к камину, к углям, которые вот-вот должны были погаснуть. — Дориан ранен. Охранять вас до утра некому. В этом замке есть люди, которые хотят вашей смерти. Двое нападавших мертвы, третий ушёл. Он может вернуться с подмогой. Я не хочу хоронить девятую.

— Потому что устали от похорон?

— Потому что девятую выбрал я. — В его голосе прозвучало нечто новое: не ледяное спокойствие, а глухая оборона. Собственничество?

Мы замолчали. Тишина стала вязкой, как смола. Где-то за стеной призрак вздохнул — протяжно, тоскливо. Я машинально посмотрела в ту сторону.

— Они не тронут вас, пока я здесь, — сказал он.

— Вы будете сидеть и смотреть, как я сплю?

— Я буду охранять.

— Одно и то же.

— Нет. — Он резко повернулся ко мне. — Когда смотрят — ждут чего-то. Когда охраняют — не ждут ничего. Я не жду от вас ничего.

Я хотела сказать, что это ложь, что все чего-то ждут, даже если не признаются. Но промолчала. В его глазах не было ни надежды, ни ожидания. Только пустота, в которой я могла бы заблудиться.

— Ложитесь, — сказал он. — Завтра совет. Вы должны выглядеть живой.

— А если я умру во сне?

— Не умрёте. Я разбужу.

Я легла на спину, оставив лицо открытым. Смотрела в потолок, слушала его дыхание. Он не шевелился — сидел как изваяние, лишь иногда перебирал пальцами по подлокотнику: туда-сюда, туда-сюда. Метроном, отмеряющий время до рассвета.

— Расскажите о первой жене, — попросила я. Не знаю зачем — то ли чтобы заполнить тишину, то ли чтобы понять, где я делаю ошибку.

Он молчал так долго, что я решила — не ответит. Потом заговорил, глядя на умирающие угли:

— Её звали Элинор. Из другого мира, как вы. Попала в тело здешней девушки, как вы. Не боялась меня, как вы. Говорила, что я ей безразличен, как вы.

— И что случилось?

— Я полюбил её. Она полюбила меня. Проклятие убило её через три месяца. Я держал её за руку, когда она умирала. Она сказала: «Не вини себя. Вини лес».

— Вы вините себя?

— Каждый день. — Он повернул голову, посмотрел на меня в упор. — Я не виню вас. Я боюсь, что вы повторите её судьбу.

— Я не повторю. — Мой голос прозвучал твёрже, чем я чувствовала себя. — Я не полюблю вас.

— Не надо, — ответил он. — Этого достаточно.

Он снова замолчал. Я закрыла глаза.

Мне снился лес. Тропа вилась между сосен, и где-то впереди горел огонь — не костёр, маяк. Я шла к нему, но он отдалялся. Я бежала — он мерцал и таял, как утренний туман. За спиной слышалось чужое дыхание — тяжелое, хриплое. Я знала: это он. Император. Он шёл за мной, но не догонял.

Я проснулась от того, что в комнате стало светло. Солнце пробивалось сквозь щели в ставнях, и пыль плясала в воздухе золотыми мушками. Император сидел в кресле в той же позе — руки на подлокотниках, голова чуть откинута. Глаза открыты, смотрел не на меня — на окно, за которым серело утро.

— Вы не спали? — спросила я. Голос сел, будто я не говорила несколько часов.

— Спал. — Он чуть повернул голову. — Вы храпите.

— Я не храплю.

— Храпите. Немного. Как маленький котёнок.

Он улыбнулся. Впервые я видела его улыбку — не насмешливую, не кривую, не дежурную. Просто уголки губ поднялись, и в глазах мелькнуло что-то тёплое, почти живое. И от этой улыбки мне стало по-настоящему страшно. Не потому, что она была злой — потому что она была настоящей.

— Вам идёт, — сказала я.

— Что?

— Улыбка. Вам стоило бы улыбаться чаще.

Он мгновенно посерьёзнел. Встал, поправил камзол, накинул плащ. Глаза снова стали холодными, как зимняя сталь.

— Завтрак принесут. Не выходите из комнаты, пока я не пришлю за вами. — У двери он остановился. — И, Верея?

— Да?

— Вы не похожи на неё. Совсем. Вы злее.

Он вышел. Я осталась одна.

Солнце поднималось над Лакримой, и его лучи упали на подоконник, где я нацарапала осколком: «Любовь убивает. Помни, дура». Я провела пальцем по буквам — они были шершавыми, глубокими. Потом подошла к стулу, на котором он сидел. Подлокотники ещё хранили тепло его ладоней. Я прижала свою ладонь к тому месту — дерево было гладким, отполированным до блеска.

— Дура, — сказала я себе. — Ты — дура.

Призрак за стеной не ответил. Только ветер пошевелил штору, и где-то далеко залаяла собака.

Я села на кровать, обхватила колени и стала ждать. Завтрака, совета, его. Я не хотела ждать. Но сердце уже начало отсчёт.

Глава 13. Совет лордов

Завтрак принесли затемно — солнце ещё не оторвалось от горизонта, и серая мгла за окном напоминала пепел. Незнакомая служанка поставила поднос на стол, поклонилась и вышла, не проронив ни слова. Овсянка, мёд, травяной чай. Всё как вчера, как в первый день. Замок Вэлнес не баловал разнообразием — или я ещё не заслужила лучшего.

Я сидела на кровати, кутаясь в одеяло, и смотрела на пар, поднимающийся от тарелки. Есть не хотелось. После той ночи, после его улыбки, после того, как я провела пальцами по ещё тёплым подлокотникам кресла, в горле стоял комок. Горячая боль от чая, обжёгшего губы, вернула меня в реальность. Я жива. Пока жива.

В коридоре зазвучали шаги. Не императора — его поступь я уже научилась различать: мягкая, крадущаяся, будто он вечно крался за добычей. Этот топал уверенно, тяжело, не таясь. Дверь открылась без стука. На пороге стоял Лукан, секретарь, с его вечно бегающими водянистыми глазами и бледным лицом, которое, казалось, никогда не видело солнца.

— Верея, император приказал проводить вас в тронный зал. Совет лордов ждёт.

— А если я откажусь? — спросила я, не двигаясь с места.

Лукан растерянно заморгал.

— Вы не можете. Вы — невеста.

— Я — девятая. Могу умереть в любую минуту. Какая разница, где?

Он не нашёлся, что ответить, только нервно сглотнул. Я встала, натянула тёмно-зелёное платье. Руки дрожали на мелких крючках, пальцы не слушались.

— Помогите.

Лукан покраснел до корней волос, но подошёл. Его холодные влажные пальцы торопливо застегнули ткань.

— Идёмте.

***

По пути я считала шаги — старый ритуал, который помогал не сойти с ума в этом каменном лабиринте. Тридцать два до лестницы, сорок до поворота, двадцать до галереи с портретами. Потом ещё одна лестница — широкая, парадная, по которой когда-то шествовали императоры. Здесь воздух казался другим — холодным, торжественным, как в соборе, где отпевают мёртвых.

Портреты на стенах провожали меня масляными взглядами — тяжёлые подбородки, тонкие губы. Род, который разучился улыбаться.

Лукан остановился перед дверью с волчьей головой на молотке. За ней гудели голоса — десятки мужчин спорили, перебивали друг друга, требовали.

— Подождите, — сказал он и скользнул внутрь.

Через минуту дверь отворилась.

— Входите.

Тронный зал оказался огромнее, чем в моём первом ночном визите. Дневной свет из высоких окон выхватывал колонны, уходящие в полумрак, и герб над троном — волк, дуб, камень. На скамьях вдоль стен сидели лорды. Двадцать, тридцать — я сбилась со счёта. Все они смотрели на меня.

Я пошла по красной дорожке. Каждый шаг отдавался эхом. Платье тянуло плечи, волосы лезли в лицо. Я не поднимала глаз — смотрела прямо на трон, где замер император.

Сегодня он был в парадном чёрном мундире с серебряным шитьём, с высокой стойкой, подпиравшей подбородок. На груди — волчья голова из потускневшего металла. Лицо непроницаемо. Взгляд — ни холода, ни тепла. Только спокойствие хищника, уверенного, что добыча никуда не денется.

Я остановилась. Лорды зашептались.

— Не нужно речей, — сказал император, подняв руку. — Лорды хотят задать вам вопросы.

Первым поднялся глава совета — старик с длинной седой бородой, в тёмной мантии, расшитой серебром.

— Верея, вы — травница?

— Да.

— Где учились ремеслу?

Я вспомнила наказ Тали: никто не должен знать. Сглотнула.

— Лес Морраль научил меня. Я жила в нём с детства. Собирала травы, читала записи Истры. Лес не скрывает своих секретов от тех, кто не боится войти в чащу.

— А правда, что вы вышли из Лакримы? — спросил молодой лорд с острым лицом.

— Да. Меня утопили. Лес вернул меня.

— Вы ведьма? — крикнули из глубины зала.

— Нет, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я травница. Я умею лечить травами. Я не насылаю порчу.

— А проклятие, что убивает невест? — подал голос толстяк с багровыми щеками. — Вы непричастны?

— Я здесь несколько дней. Я могу только выжить — если получится.

— Если получится? — усмехнулся толстяк. — А если нет?

— Тогда вы найдёте десятую. И одиннадцатую. Пока не надоест хоронить.

В зале повисла тишина. Император смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло одобрение.

— Вы дерзки, — сказал глава совета.

— Я честна.

— Честность не спасёт от проклятия.

— Но спасёт от лжи.

Вопросы сыпались ещё час. О прошлом, о травах, об Истре. Я отвечала коротко, не вдаваясь в подробности — ни слова о картах Тали, о женщине в серебре, о том, что император просидел у моей постели всю ночь.

Лорды разошлись во мнениях: казнить, оставить под стражей, сослать в монастырь. Когда шум стих, император встал.

— Верея остаётся. Она моя невеста. Будет жить в северном крыле и не покинет замок без моего разрешения. Совет распущен.

Лорды нехотя поклонились и потянулись к выходу. Я осталась у трона. Император спустился ко мне.

— Вы дерзки, — повторил он слова старика.

— Вы уже говорили.

— Я передумал. Вы не дерзки — вы смелы. В этом замке редкость.

— Вы тоже смелы, — сказала я. — Остались в моей комнате на всю ночь. Это могло стоить вам репутации.

— Моя репутация ничего не стоит. Я император, который хоронит своих жён. Какая репутация может быть у такого?

Он повернулся и пошёл к выходу.

— Ваше величество? — окликнула я.

Он обернулся.

— Благодарю. За защиту.

— Не за что.

Он вышел. Я осталась одна в пустом зале, где пахло воском и древностью.

***

В коридоре меня ждал призрак. Лидия. Восьмая невеста. Она стояла, прислонившись к стене, полупрозрачная, с тёмными провалами вместо глаз.

— Ты выжила, — сказала она.

— Пока да.

— Сегодня ты была на виду. Совет запомнит твоё лицо. Это опасно.

— Он и так знал, кто я.

— Но теперь он видел, как ты держишься. — Лидия шагнула ближе, и холод потянулся от неё. — Лорды боятся не проклятия. Они боятся того, кто не ломается под ними. Ты им не понравилась.

— А ты? — спросила я. — Ты боялась их?

— Я боялась умереть. И всё равно умерла.

Она замолчала, и в её глазах мелькнуло что-то человеческое.

— Он был у тебя. Всю ночь.

— Ты следила?

— Я всегда здесь. Не могу уйти. И я видела, как он на тебя смотрел.

— И что?

— Он так же смотрел на меня. Перед смертью.

— Я не умру, — сказала я.

— Не умрёшь. Но изменишься. Любовь к нему меняет всех.

— Я не люблю его.

— Пока нет, — ответил призрак. — Но ты уже запоминаешь его запах. Ты уже ждёшь его шагов. А он… он уже потерял счёт тем, кто ушёл.

Она растаяла, оставив после себя запах тины и гнили.

Я осталась одна в коридоре.

Я не побежала. Пошла в свою комнату, считая шаги — тридцать два, сорок, двадцать.

И когда я закрыла дверь, я поняла: замок Вэлнес уже не казался мне чужим. Он стал моей тюрьмой. И, кажется, я начинала привыкать к решёткам.

Глава 14. Бал зимнего двора

Бал назначили на первый снег. Таков был обычай замка Вэлнес, древний, как корни дуба, что когда-то рос на месте тронного зала: зимний двор открывали только после того, как белая пелена укрывала чёрные камни, а озеро Лакрима, назло морозу, оставалось жидким — дышало паром, как раненый зверь. Говорили, вода в нём никогда не замерзала, даже в самую лютую стужу.

Снег выпал на рассвете. Я проснулась от тишины — призраки за стеной смолкли, даже ветер затих. Ни всхлипов, ни шёпота, ни привычного перебирания чёток. Мёртвые тоже ждали бала. За окном всё было белым: крыши, дворы, шпили, зубцы стен, каменные львы у входа — каждый выступ, каждую трещину замело, сгладило, превратило острую каменную плоть в нечто мягкое, почти живое. Только озеро внизу чернело провалом, дышало паром, смешивая его с падающими хлопьями. Красиво. Мёртво-красиво, как лицо императора в те редкие минуты, когда он забывал не улыбаться.

— Сегодня бал, — сказала Тали, появившись на пороге без стука. Она не поздоровалась, не спросила, как спалось — зачем, если и так знала, что я не спала? В руках она держала длинное платье — тёмно-синее, почти чёрное, расшитое серебряными звёздами. Ткань переливалась при свете свечей, как ночное небо, в котором кто-то рассыпал горсти ледяной пыли. — Император прислал это. Сказал, чтобы вы надели.

Я посмотрела на платье. Потом на Тали.

— Не пойду.

— Пойдёте. — Тали положила платье на кровать, расправила, разгладила ладонью невидимые складки. — Совет лордов будет там. Если не покажетесь — сочтут слабостью. А слабых здесь убивают первыми. Вы живы до сих пор не потому, что сильны. А потому, что напугали их. Вы вышли из озера. Вы вылечили солдата, которого лекарь отпевал. Вы не плакали на допросе. Теперь они смотрят и ждут: когда вы оступитесь?

— Меня и так пытались убить.

— И вы живы. — Она усмехнулась — сухо, безрадостно. — Одевайтесь. Я помогу.

Я вздохнула, сжала кулаки, но спорить не стала. В этом замке споры кончались так же, как улыбки: их просто не было.

— Я не умею танцевать, — буркнула я, когда Тали принялась за крючки.

— На этом балу никто не танцует, — ответила она, дёргая ткань сильнее, чем требовалось. — Здесь пьют, сплетничают, замышляют убийства и иногда женятся. Танцы — это на юге. У нас — только холод.

***

К вечеру замок преобразился.

Факелы в парадных залах горели ярче обычного — их вставляли в новые серебряные подвесы, и отблески плясали на полированном камне, превращая серые стены в золотые. Зимний двор — открытая галерея между северным и восточным крыльями, где обычно гулял ветер и выли призраки, — был затянут тканью цвета воронова крыла, тяжёлой, плотной, чтобы ни один сквозняк не задул свечи. Пол устелили соломой и свежей хвоей — запах сосны смешивался с дымом, жареным мясом и сладковатым ароматом глинтвейна, который разносили слуги в длинных серых фартуках.

Гостей было много — больше, чем я видела на совете. Лорды с севера и юга, их жёны в платьях, похожих на многослойные пироги, дочери с наигранно скромными улыбками, сыновья, уже пьяные, с расстёгнутыми воротами рубах. Все они толпились, переговаривались, смеялись слишком громко, слишком фальшиво. Смех в замке Вэлнес был такой же редкостью, как улыбка императора. Когда он звучал — хотелось проверить, не случилось ли чего дурного.

Я стояла у входа, переминаясь с ноги на ногу, и ловила на себе взгляды. Любопытные, враждебные, оценивающие — как на ярмарке, когда смотрят на лошадь и прикидывают, сколько выдержит до первого падения.

— Вы держитесь так, будто идёте на казнь, — сказал голос за спиной.

Император. Он был в чёрном камзоле с серебряным шитьём — таком же, как на моём платье. Та же ткань, те же звёзды. Нас одели парой, как кукол. Я не знала, злиться на это или благодарить — за то, что хотя бы не выставили одну против всех.

— А разве нет? — ответила я, не оборачиваясь. — Восемь невест до меня — и все они были здесь. На балу, в этом зале, в этом платье? — Я провела пальцами по рукаву. — Может, оно передаётся по наследству.

— Вы живы. — Он повторил слова Тали, но иначе — не как угрозу, а как факт.

— Пока.

Он подал мне руку. Ладонь его была сухой и горячей — совсем не ледяной, как я ожидала после всех рассказов о ледяном сердце. Я взялась. Секунду он смотрел на наши сцепленные пальцы, потом поднял глаза.

Мы вошли в зал под шёпот толпы.

— Девятая, — пронеслось за спинами. — Смотрите, жива. — Глаза какие… — Говорят, она вылечила солдата. — Ведьма, точно ведьма. — Тише, она слышит. — Плевать, пусть слышит.

Я шла, глядя прямо перед собой, и считала шаги — старый ритуал, помогавший не сойти с ума. До трона было шестьдесят. До первого ряда гостей — двадцать пять. До кубка с вином, который толкнул ко мне лакей, — восемь. Я считаю все, чтоб успокоить свои нервы. Я взяла, отпила. Горькое, терпкое, с запахом дыма и мёда.

— Сегодня вы должны улыбаться, — сказал император тихо, наклоняясь к самому уху. — Хотя бы иногда.

— Я не умею улыбаться фальшиво.

— Научитесь. В этом замке без этого не выжить. Улыбка дешевле кинжала, а ранит больнее.

Я попыталась. Получилась кривая гримаса, от которой лорд, стоявший ближе всех, попятился.

— Лучше бы вы заплакали, — сказал император.

— Успеется.

***

Меня представляли лордам, как лошадь на ярмарке — с той разницей, что лошадь хотя бы могли купить и увести, а меня должны были терпеть.

— Барон Блэквуд из южных земель. Его поместья граничат с лесом Морраль, где вы жили.

Барон был похож на хорька: длинное худое лицо, острый нос, маленькие глазки, бегающие под редкими бровями, тонкие бледные губы, которые никогда не знали тепла. Он поцеловал мне руку — сухими, холодными губами, будто приложился к мощам.

— Наслышан о вашем искусстве, леди Верея. Говорят, вы вылечили солдата, которого лекарь уже мысленно похоронил. Чесноком? — В его голосе сквозила насмешка.

— Чесноком и корой ивы, — ответила я, глядя прямо в его бегающие глазки. — Природа лечит лучше любого заклинания.

— Вы верите в природу? — Он приподнял бровь. — А в проклятие?

— Проклятие тоже природа. Только больная.

Барон усмехнулся — сухо, как треск сухой ветки. Отошёл. Я почувствовала, как император чуть сжал мою руку — предупреждение? Одобрение? Не поняла.

— Граф Рейвен, хранитель восточных рубежей.

Граф был молод, красив, с копной чёрных волос, падающих на плечи, и длинными бледными пальцами музыканта. В его взгляде читалось что-то волчье — не голодное, а выжидающее. Он смотрел на меня не как на невесту императора — как на добычу, которую ещё предстояло загнать.

— Вы так же прекрасны, как говорили слухи, — сказал он, наклоняясь слишком близко. От него пахло вином и чем-то пряным — корицей, может, или гвоздикой.

— Слухи обычно врут, — ответила я.

— А вы? Вы врёте?

— Когда нужно для выживания.

Он рассмеялся — громко, наигранно, так, чтобы слышали все. Император, стоящий рядом, не засмеялся. Его лицо осталось каменным, только на скулах заиграли желваки.

— Берегите её, ваше величество, — сказал граф, отходя. — Такие не задерживаются.

Я не поняла, что он имел в виду — что я умру или что сбегу. Но в его голосе мне почудилась не угроза, а обещание.

***

Бал шёл своим чередом.

Музыканты — трое в углу зала — пилили на скрипках что-то тоскливое, похожее на плач по мертвецам. Гости пили, ели, сплетничали. Я стояла у окна, выходящего на озеро. Стекло запотело от дыхания, и я рисовала на нём пальцем круги — как те, что расходились по воде, когда Алиса прыгнула с пирса. Снег всё падал, белые мухи кружились в свете факелов и исчезали в чёрной воде. Лакрима дышала паром, как живая. Где-то там, на дне, лежали камни с письменами. И где-то там, в другой чёрной воде, за тысячу миль отсюда, Алиса смотрела на такой же снег — или на дождь, или на туман — и думала обо мне.

— Верея.

Я обернулась. Передо мной стояла незнакомая девушка — юная, с рыжими волосами, заплетёнными в толстую косу, и веснушками на бледном лице. Глаза голубые, испуганные. Платье простое, без вышивки, будто она приехала не на бал, а на похороны — и не ошиблась.

— Меня зовут Лира. Я дочь барона Блэквуда. — Она поклонилась неловко, как учили по книжкам, но движения вышли угловатыми, будто костюм жал. — Я хотела вас предупредить.

— О чём?

Она оглянулась — никто не слушал, все были заняты собой. — Мой отец… он говорил сегодня за ужином, что вы — не настоящая травница. Что вы — колдунья, посланная лесом, чтобы убить императора. И что вас нужно… — она запнулась, — убрать. Как предыдущих.

Я усмехнулась. Усмешка вышла кривой, недоброй — я видела своё отражение в тёмном стекле.

— Если бы я хотела убить императора, я бы сделала это ночью, когда он сидел в моей комнате. Без свидетелей. Без шума.

Лира побледнела ещё сильнее — так, что веснушки стали похожи на кляксы на белой простыне.

— Он сидел в вашей комнате? Ночью?

— Охранял. От тех, кто хотел меня убить. — Я понизила голос до шёпота. — Таких, как ваш отец, например.

Девушка попятилась, врезалась в какого-то лорда, извинилась и исчезла в толпе, как утренний туман над озером. Я осталась одна.

— Не надо пугать детей, — сказал император, подходя с бокалом. Губы его блестели от вина, но глаза оставались трезвыми — слишком трезвыми для человека, который пьёт третий час подряд.

— Кто ещё хочет меня убить?

— Все. — Он сделал глоток, не отрывая от меня взгляда. — Это замок Вэлнес. Здесь каждый второй — убийца, каждый третий — предатель, каждый первый — лжец. Вы — девятая. Вы — мишень.

— А вы? Вы кто?

— Я тот, кто не даст им выстрелить. — Он поставил бокал на поднос проходившей мимо служанки. — Пока я жив.

— А если вы умрёте?

— Тогда бегите. В лес. И не оглядывайтесь.

***

Среди гостей я заметила Дориана. Капитан стоял у колонны в дальнем конце зала, плечо его было перевязано, рука висела на перевязи, но он не ушёл — охранял, как верный пёс, которому плевать на боль. Наши взгляды встретились. Он кивнул — едва заметно, по-военному коротко. Я кивнула в ответ.

Я хотела подойти к нему, сказать хоть слово благодарности, но путь преградил граф Рейвен. Он будто ждал, когда император отойдёт.

— Леди Верея, вы так печальны. Позвольте развлечь вас. Рассказать, как я убил первого медведя в двенадцать лет? Или как мой отец повесил трёх браконьеров на одних воротах?

— Не надо.

— Вы боитесь меня? — Его голос стал ниже, доверительнее, будто мы были старыми друзьями, а не невестой и чужим лордом.

— Я не боюсь никого. Я просто устала.

— Устали от внимания? — Он взял мою руку, погладил пальцы — слишком долго, слишком настойчиво. — Император слишком холоден для такой женщины, как вы. Вам нужно тепло. Я мог бы…

— Отпустите мою руку, — сказала я тихо. И он отпустил. Не потому, что испугался — потому что увидел за моей спиной императора.

— Граф, — голос Данияра был спокойным, но в нём слышался металл, как в клинке, который только что вынули из ножен. — Вы представлены. Отойдите.

Граф засмеялся — тем же наигранным смехом — и исчез в толпе. Император посмотрел на меня.

— Он прав, — сказала я, растирая запястье, где остались следы его пальцев. — Вы холодны.

— Я такой, какой я есть. Вы знали это с самого начала.

— Знала. И всё равно…

— Что?

— Ничего.

Я замолчала. Он ждал. Снег за окном всё падал.

***

К полуночи я сбежала во двор.

Не из страха — из духоты. Слишком много тел, слишком много запахов, слишком много лиц, которые улыбались и думали о смерти. Я выскользнула в боковую дверь и оказалась на балконе, выступающем над чёрной водой. Здесь не было гостей. Только снег, озеро и луна — круглая, жёлтая, как старый больной глаз.

Снег падал на решётку, таял на перилах. Озеро внизу дышало паром, и его чёрная гладь казалась мне окном в бездну — в которую я боялась заглянуть, потому что знала: там не моё отражение. Позади, через толщу стен, слышались голоса, смех, звон посуды. И вдруг тишина — все стихли одновременно, будто кто-то щёлкнул пальцами.

Я обернулась.

В дверях балкона стоял он. Император. Без плаща, с раскрасневшимся от вина лицом — или от чего-то другого. Глаза его блестели — не льдом, а чем-то живым, почти горячим. Он был пьян. Не так, чтобы шататься, а так, чтобы забыть, кто он и зачем пришёл.

— Вы сбежали, — сказал он.

— Я не люблю шум.

— И я. — Он подошёл к перилам, встал рядом. Снег падал ему на плечи, на ресницы, таял на губах. — Но мы должны были быть там. Вместе. Невеста и император. Подальше от этих стервятников.

— Мы здесь. Вместе.

— Здесь холодно.

— Но тихо.

Он усмехнулся. Недолго.

— Знаете, что мне сказали лорды сегодня, когда вы вышли в уборную? Что вы — слишком опасны, чтобы жить. И слишком опасны, чтобы умереть. Потому что если я полюблю вас — умру я. И тогда замок останется без наследника. А они не хотят войны за трон. Им нужна тихая смерть. Моя. Ваша. Любая.

— И что вы ответили?

— Что они могут попробовать. И что следующий, кто поднимет руку на мою невесту, умрёт не от проклятия, а от моей руки. Медленно. При всех. Чтобы другие запомнили.

Он повернулся ко мне. Снег кружился между нами, таял, не долетая до земли.

— Они того не стоят, — сказала я. Не вопрос — утверждение.

— Не знаю. — Он помолчал. — Но другого выбора у меня нет. Вы — девятая. Если вы умрёте, будет десятая. Одиннадцатая. Двенадцатая. А я устал. Устал хоронить. Устал смотреть, как они гаснут. С вами… с вами я хотя бы знаю, что вы будете сопротивляться. До последнего.

— Вы могли бы отпустить меня. В лес.

— Лес не отпустит. Вы его часть теперь. Как я — часть проклятия. — Он протянул руку. — Один танец. Для вида. Чтобы они видели — мы не боимся.

— Я не умею танцевать.

— Я научу.

Мы танцевали на балконе, под снегом, без музыки. Шаг вперёд, шаг назад, круг. Его рука на моей талии — горячая, тяжёлая, моя — на его плече. Я чувствовала тепло его тела, запах вина и снега, и биение сердца — его или моего, я не различала. Снег падал на наши волосы, на ресницы, застревал в складках одежды. Мы кружились медленно, неуклюже, как два призрака, которые забыли, что уже умерли.

— Вас трясёт, — сказал он.

— Просто замёрзла.

— Нет. Ты боишься.

— Боюсь. — Я подняла глаза. — Но не вас.

Он остановился. Посмотрел на меня долго — так долго, что снег успел покрыть наши плечи белым саваном.

— Чего же?

— Себя. — Я высвободилась из его рук. — Того, что начинаю привыкать.

Он не ответил. Только отступил на шаг. Потом ещё на один.

— Возвращайтесь в зал, Верея. Вы нужны им. Им нужно видеть вас. Чтобы бояться.

— А вы? Вам нужно меня видеть?

Он усмехнулся — горько, коротко.

— Я помню вас и так. Это страшнее.

Он ушёл. Я осталась одна.

Снег всё падал. Озеро Лакрима чернело внизу, дышало паром, не замёрзшее, не живое, не мёртвое — вечное. Как проклятие. Как этот бал. Как моя новая жизнь, в которой я начинала забывать, где заканчивается ложь и начинается правда.

Я подошла к перилам, провела рукой по холодному камню. Пальцы оставили след на тонком слое снега.

— Дура, — сказала я себе. — Ты — дура.

Но сердце уже не слушалось. Оно отбивало другой ритм — шаг вперёд, шаг назад, круг. Танец, который нельзя остановить. Танец, который можно только дотанцевать до конца.

В зале меня встретил шёпот. Гости расступались, давая дорогу. Я шла к трону, не глядя по сторонам. Император уже сидел на своём месте — прямой, холодный, непроницаемый. Никто бы не сказал, что минуту назад он танцевал со мной на балконе под снегом, как мальчишка, который забыл, что ему нельзя любить.

Я села рядом — на ступеньку ниже, потому что трон был только для него. Взяла с подноса кубок с вином, отпила.

— Я не умерла сегодня, — сказала я тихо, чтобы слышал только он.

— Я знаю.

— Завтра тоже не умру.

— Я буду здесь. — Он чуть повернул голову, но не посмотрел на меня. — Каждую ночь, если нужно.

— Это опасно.

— Я знаю.

Луна за окном накрылась облаком. Стало темнее. Снег пошёл сильнее. Бал продолжался, но для меня он уже закончился. Осталось только ждать — рассвета, нового дня, нового покушения, новой ночи, когда он снова придёт в мою комнату, сядет в кресло и будет охранять мой сон.

Я не знала, сколько это продлится. Я знала только, что выживу. Не от силы, не от хитрости, не от магии — от того, что у меня нет другого выбора.

Призрак Лидии стоял у двери, когда я выходила из зала. Она улыбнулась — той улыбкой, которая не касалась глаз.

— Ты танцевала с ним, — сказала она.

— Да.

— Я тоже танцевала. В ночь перед смертью.

— Я не умру.

— Все так говорят. — Она наклонилась, и её полупрозрачное лицо почти коснулось моего. — Но ты уже не боишься. Это хуже, чем страх. Это начало.

Она растаяла. Я пошла в свою комнату по пустым коридорам, освещённым редкими факелами. Тридцать два шага до лестницы, сорок до поворота, двадцать до двери.

Комната пахла лавандой и холодом. Я разделась, легла на кровать, свернулась калачиком. За стеной призраки молчали. Только снег шуршал за окном, падая на чёрную воду, которая никогда не замерзала.

Я закрыла глаза и уснула. Тяжело, глухо, как падает снег на чёрную воду. Впервые за много ночей — без снов, без призраков, без него. Только тишина. Только холод. Только я.

Визуал к главе 14.

Глава 15. Женщина в серебре

Сон пришёл тяжёлый, как камень на груди.

Я лежала на кровати, свернувшись калачиком, и чувствовала, что сплю, но проснуться не могла. Тело стало чужим, неподъёмным, будто кто-то наполнил мои кости свинцом. Глаза открывались только наполовину — я видела трещину в потолке, тени от камина, чёрный прямоугольник окна. И силуэт.

Кто-то сидел на моём стуле. В кресле, где прошлую ночь провёл император.

Я хотела крикнуть, пошевелиться — бесполезно. Сон держал меня мёртвой хваткой, как вода в Лакриме держит утопленников. Только глаза жили. Я смотрела на тень, которая постепенно обретала форму, цвет, лицо.

Это была не Лидия. Не Истра.

Другая.

Она сидела, выпрямившись, положив руки на подлокотники. Платье — серебряное, переливающееся, как рыбья чешуя в лунном свете, — струилось до самого пола, скрывая ноги. Волосы — пепельные, почти белые, гладко зачёсаны назад, открывая высокий лоб и острые скулы. Лицо красивое, но не живое — как у куклы, у которой нет души. Глаза… я всматривалась, но не могла разглядеть зрачков — только блеск, холодный, металлический. Она смотрела сквозь меня, будто видела что-то за спиной, что-то, чего я не могла разглядеть.

Камин догорал, угли светились багровыми прожилками, но её лицо оставалось бледным, почти прозрачным. Она не отражала огня — сама была холодным светом.

— Ты проснулась, — сказала она. Голос — без интонации, как у чтеца, который давно потерял смысл слов. Он не поднимался и не падал, просто тек, как вода по камню.

— Кто вы? — Я хотела спросить вслух, но губы не шевелились. Спросила мыслью.

Она услышала. Кивнула. Лёгкое движение, но в нём чувствовалась тяжесть веков.

— Меня зовут Серафина. Я была женой императора. Пятой.

Я замерла. Пятая невеста. Ещё один призрак. Восьмая — Лидия, которую утопили. Первая — Элинор, из другого мира. А теперь пятая. Сколько их ещё бродит по этим коридорам, плачет за стенами, шепчет по ночам?

Серафина не походила на Лидию — та была полупрозрачной, мокрой, с дырами вместо глаз, пахла тиной и гнилью. Серафина сидела в кресле как живая, только свет проходил сквозь её плечи, оставляя на стене бледные блики. От неё пахло ладаном и сухими цветами — кладбищенским покоем.

— Почему ты не мокрая? — спросила я. Мысль, но она снова услышала.

— Я утонула не в озере. Меня убили в собственной постели. Задушили подушкой. — Она усмехнулась — уголком губ, беззвучно, одними морщинками. — Так что я сухая. Император тогда был в отъезде. Вернулся — а я уже остыла. Лежала на кровати, с открытыми глазами, и смотрела в потолок. С тем самым потолок, на который ты сейчас смотришь.

Я невольно подняла глаза кверху. Та же трещина, то же пятно от сырости. Она тоже смотрела на это перед смертью.

— Он не плакал, — продолжала Серафина. — Никогда не плакал. Ни при мне, ни после. Но три дня не выходил из комнаты. Не ел, не пил, не говорил. Просто сидел на этом стуле — на том самом, где я сейчас сижу, — и смотрел на пустую кровать.

— Кто убил? — спросила я. Теперь вслух — голос прорвался, хриплый, чужой.

— Те, кто не хотел, чтобы у него был наследник. Те же, кто хотел убить тебя. — Она наклонилась вперёд, и серебряное платье зашуршало, как змеиная кожа. — Совет лордов. Не все, но многие. Им нужен слабый император. Или никакого. Проклятие — им на руку. Жёны

умирают, наследников нет, трон шатается. А они собирают земли, копят золото, ждут. Терпеливые, как пауки.

— Зачем ты пришла? — Я попыталась сесть, но тело не слушалось. Так и осталась лежать, глядя на неё снизу вверх.

— Предупредить. — Она сложила руки на коленях. Длинные пальцы, унизанные перстнями, которые поблёскивали даже сквозь призрачную плоть. — Ты слишком близко подошла к нему. Он уже думает о тебе каждую минуту. Это опасно.

— Я не люблю его, — соврала я. Слова вышли сухими, как прошлогодние листья.

Серафина покачала головой.

— Ты лжёшь хуже, чем все его невесты. Они врали искусно — с улыбкой, с солью, с клятвами. А ты просто говоришь «нет», и сердце твоё стучит, как заячий хвост. Я слышу его. Стены слышат. Лес слышит. Не обманывай себя, Верея. Это дороже стоит.

Я замолчала. Не потому, что нечего сказать — потому что она была права. Где-то под рёбрами уже зарождалось то самое чувство, которое я запрещала себе. Тёплое, липкое, опасное.

— Что ты хочешь? — спросила я, чтобы не молчать.

— Чтобы ты ушла. Пока не поздно. В лес. В другой мир. Куда угодно. — В её голосе впервые появилась эмоция — не боль, не гнев, а что-то похожее на усталую мольбу. — Он не должен привязываться к тебе. А ты — к нему. Проклятие не прощает. Оно ревнивое, как первая жена.

— Я не могу уйти. Замок заперт. Лес не отпускает.

— Я знаю путь. — Она встала. Серебряное платье не зашелестело — оно текло, как ртуть, облепляя бесплотное тело. — Тайный ход из подвала. Тали знает о нём, но не скажет — боится. Боится потерять место при дворе, боится, что лорды узнают о её помощи. А я не боюсь. Я уже мертва. Что они сделают со мной? Убьют второй раз? Тогда сначала им придется воскресить меня.

Она подошла к окну, провела рукой по стеклу. Пальцы не оставили следа — она была бесплотной, как утренний туман. За окном всё падал снег, и озеро Лакрима чернело внизу, дышало паром.

— Завтра ночью. В полночь. Спускайся в подвал, к Тали. Там есть дверь, обитая железом. Старая, ржавая, с волчьей головой вместо ручки. За ней — лестница в скале. Она выведет к озеру с другой стороны, там, где лес подступает к самой воде. Оттуда беги в чащу. Лес примет тебя — он принял однажды. Примет снова. Ты его часть.

— А император? — Голос дрогнул. Я не хотела, чтобы он дрожал, но он дрожал.

— Император переживёт. — Она повернулась ко мне. — Он пережил восьмерых. Переживёт и девятую. Будет брать десятую, одиннадцатую, двенадцатую. Пока не состарится или пока проклятие не заберёт его самого. Его род выбрал эту ношу. Не ты.

— А если он придёт за мной?

— Не придёт. Он не знает о ходе. Никто не знает, кроме мёртвых. — Она помолчала. — И Тали. Но Тали будет молчать.

Она снова села в кресло. Камин выбросил сноп искр, осветил её лицо. Я увидела глаза — бледно-голубые, выцветшие, как у столетней старухи. В них не было злобы. Только усталость. Усталость женщины, которая слишком долго смотрела, как любовь убивает тех, кто остаётся в живых.

— Я любила его, — сказала она тихо. — Очень. Думала, что и он меня. Но проклятие не пустило. Он пытался — и отступил. Боялся, что я умру. Отодвинулся, стал холоднее, реже приходил по ночам. А я всё равно умерла. Через полгода. Не от проклятия — от подушки. Но если бы не проклятие, может, он был бы рядом в ту ночь. И успел бы спасти.

Она замолчала. Призраки за стеной зашептались громче — будто подслушивали, будто знали, о чём она жалеет.

— Я не хочу, чтобы он снова прошёл через это. Или ты. — Она посмотрела на меня в упор. — Уходи, Верея. Пока не поздно. Не ради себя — ради него. Если ты умрёшь, он сломается. Я видела, как он смотрит на тебя. Так он не смотрел ни на кого после Элинор. Только на неё и на тебя.

— А если я не уйду?

— Тогда ты умрёшь. Или он. Третьего не дано. — Она встала. — Проклятие не терпит счастливых концов. Оно голодное. Ему нужно горе, слёзы, кровь. Вы вдвоём — слишком лакомый кусок.

Она шагнула назад. Платье метнулось серебряным хвостом.

— Завтра. В полночь. Не опаздывай.

— Постой, — крикнула я. — Как мне найти дверь? В подвале темно, я заблужусь.

— Тали поможет. Скажи ей: «Серафина прислала». Она поймёт. — Призрак уже таял, становясь прозрачнее стекла. — И запомни: лес не враг. Лес — единственный союзник. Доверяй ему. Он вывел тебя к избушке, он выведет и отсюда.

Она растворилась в темноте, оставив на стуле серебристый след — такой же, как после Истры. Свечи мигнули, камин всхлипнул.

Я проснулась.

Камин горел. Часы показывали полночь. Стул был пуст, но на подлокотнике лежало белое перо — такое же, как то, что я нашла у Тали. Только это было не чёрным, а серебряным, с тонкими прожилками, будто кто-то нарисовал на нём вены.

Я села, взяла перо. Оно было тёплым — будто его только что выдернули из крыла живой птицы. Провела пальцем по краю — не резануло. Не острое. Мёртвое.

За стеной призраки замолчали. Даже ветер затих. Только моё сердце стучало — гулко, медленно, как набат перед пожаром.

— Уходи, — шепнул кто-то из-за стены. Женский голос, незнакомый, тонкий, как паутина.

— Уходи, — повторил другой. Ниже, грубее.

— Уходи, — третий. Детский. Я вздрогнула. Дети? В замке умирали дети?

Хор призраков пел мне колыбельную бегства. Не ласковую — тоскливую, как вой волков в зимнюю стужу.

Я сжала перо в кулаке и посмотрела на дверь. Там, за ней, спал замок — и ворочался во сне, как раненый зверь. Стонал половицами, скрипел петлями, дышал сквозняками. А где-то в подвале, за железной дверью с волчьей головой, ждала свобода. Чёрная вода, лес, холод — и никакого императора. Ни его взгляда, ни его рук, ни того, как он говорит «я помню вас и так».

Я не знала, выйду ли когда-нибудь отсюда живой. Но знала, что эта ночь — первая, когда я всерьёз задумалась о побеге. Не потому, что испугалась. А потому, что услышала правду: третьего не дано.

Я спрятала перо под подушку.

Закрыла глаза.

Сон не шёл. Я лежала и слушала, как за окном падает снег на чёрную воду, которая никогда не замерзает. Вспоминала его лицо, когда он танцевал со мной на балконе. «Вас трясёт. — Просто замёрзла. — Нет. Ты боишься». Он был прав. Я боялась. Не его — себя. Того, что начинала привыкать.

За стеной призрак вздохнул — протяжно, бесконечно, как ветер в трубе.

Я открыла глаза. Потолок всё так же треснут. Огонь в камине догорел, остались только угли — багровые глазницы, которые смотрели на меня из тьмы.

— Я не уйду, — сказала я шёпотом. Или подумала? Я уже не различала.

Тишина была ответом.

.

Глава 16. Заговор

Завтрак принесли, когда я уже перестала его ждать.

Овсянка застыла одной сплошной массой. Ложка входила в неё с трудом, как в сырую глину. Я заставила себя проглотить один комок — второй уже не смогла. Чай пах дымом и чем-то кислым, будто его заварили в прокопчённом котелке. Я отодвинула чашку.

Служанка, которая всё это притащила, стояла у двери и тряслась. Мелкой дрожью. Не театральной, не для жалости — самой настоящей, от которой зубы вот-вот начнут выбивать дробь. Я её раньше не видела. Совсем молоденькая, с белыми костяшками пальцев, вцепившихся в поднос. Она боялась меня. Серьёзно, по-настоящему боялась. Как будто я могла одним взглядом превратить её в камень. Или призвать то, что живёт за этими стенами.

— Выйди, — сказала я тихо.

Она вылетела, чуть не уронив поднос. Дверь за ней щёлкнула.

Я осталась одна.

И тут меня накрыло.

Вчера был бал. Я помню каждую секунду. Как вошла в зал, где горели сотни свечей, а воздух был тяжёлым от духов и страха. Как лорды отводили взгляды, а дамы прижимали платки к лицам, будто я была заразной. Я шла по живому коридору, чувствуя на себе десятки глаз, и думала только об одном: не упасть, не споткнуться, не показать, что мне страшно.

А потом он подошёл.

Император. Данияр.

Он взял меня за руку — молча, не спрашивая. Его пальцы были горячими, сухими, с мозолями на ладонях. Он повёл меня в центр зала, и музыка заиграла сама собой — оркестр, которого никто не видел. Почему я вообще об этом думаю и проворачиваю это в голове?

Я сидела перед застывшей овсянкой и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Как тяжёлая волна. Как будто я тону в этом замке, в этой тишине, в этих взглядах, которые до сих пор жгут спину.

Три удара в дверь. Резких. Коротких. Солдатских.

Я вздрогнула.

Дориан вошёл без спроса. Я уже привыкла. Он притворил за собой дверь, окинул комнату быстрым взглядом — по привычке человека, который привык проверять углы, — и опустился на стул у стены. Его правое плечо было перевязано. Белый бинт топорщил рубаху, под мышкой темнело неровное пятно. Кровь. Но он держался прямо. Так могут только люди, которые привыкли терпеть боль и не показывать слабость.

— Я думал, ты уйдёшь, — сказал он.

— С чего вдруг?

— По лицу видно. — Он посмотрел на меня в упор, и я не отвела взгляд. — Такие лица бывают у тех, кто прощается. С замком. С ним. С собственной глупостью.

Я промолчала. Потому что он был прав. Вчера, после бала, я сидела на подоконнике и смотрела на тёмный лес. И думала: а что, если просто уйти? Пока никто не видит. Пока не рассвело.

— Передумала, — сказала я.

— Умно.

Дориан замолчал. Прислушался. Тишина стояла такая, что слышно было, как потрескивают угли в камине. За стеной кто-то всхлипнул — тонко, высоко, как струна. Призраки после бала расходились по своим углам. Некоторые плакали. Я уже научилась различать.

— Тогда слушай, — сказал Дориан, и голос его стал тише. — Вчера на балу граф Рейвен слишком долго сжимал твою руку. И слишком пристально смотрел на императора.

— Он предлагал мне уйти, — сказала я. — Говорил, что здесь меня ждёт только смерть.

— Знаю. — Дориан наклонился ближе, и я почувствовала запах старой кожи и табака. — Но это не всё. Рейвен собирает недовольных лордов. Земли, золото, титулы — он раздаёт всё, лишь бы его поддержали, когда он ударит.

У меня внутри всё похолодело. Я положила ложку, хотя уже не ела.

— Ударит?

— Убьёт императора. Или заставит отречься. Подробностей не знаю. — Он помолчал, и в тишине снова раздался всхлип за стеной. — Но ты — его козырь, Верея. Если ты умрёшь — император сломается. У него и так не осталось никого, кроме тебя и призраков. Если ты выживешь — Рейвен объявит тебя ведьмой. Скажет, что ты отравила разум повелителя. В любом случае, ты станешь поводом для мятежа.

Я сжала край стола так, что ногти впились в дерево.

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть слуги, которые слушают не только за обедом. — Дориан усмехнулся, но глаза остались серьёзными. — Один из них слышал разговор в винном погребе. Рейвен с бароном Блэквудом. Блэквуд сомневался, мол, солдаты верны императору. А Рейвен ответил: «Убери невесту — и он рухнет сам. Девятую потерю он уже не перенесёт. Никто не поднимет меч за человека, у которого отняли всё».

У меня пересохло в горле.

— Когда?

— Не завтра. Рейвен не дурак. Он будет ждать промаха, искать слабое место. Он умный — поэтому и опасный. — Дориан поднялся и поморщился от боли в плече. — Но ты будь начеку. Никому не верь, кроме Тали.

— Даже императору?

— Императору верь в одном: он не предаст. — Дориан посмотрел на меня долгим взглядом. — Он слишком горд для лжи. Но он слепой, когда дело касается тех, кого выбрал. Он не заметит предательства, пока кинжал не войдёт ему в спину.

— Он выбрал меня? — спросила я тихо.

— Невестой. — Дориан усмехнулся, и в этой усмешке не было злорадства. Только горькая правда. — Это не одно и то же. Но он не хочет твоей смерти. И это больше, чем он желал для прежних.

Он вышел. Не попрощался, не оглянулся.

Я осталась одна. В голове гудело, как в потревоженном улье.

***

В полдень постучали снова. Вежливо. Слишком вежливо, с паузами.

Лукан, секретарь. Я его не любила. У него вечно мокрые ладони, которые он потирает одну о другую, и бегающие глазки — ни на чём не задерживаются дольше секунды. Он зашёл, поклонился слишком низко, замер на мгновение.

— Император ждёт вас в малой столовой. — Он замялся, будто взвешивал каждое слово. — Велел передать… «Пусть придёт одна. Без охраны».

Я не стала спорить. Накинула серый плащ — тот самый, который пах нафталином и чужой тоской, — и вышла.

Коридоры тянулись бесконечно. Серые камни, тусклые факелы, тени, которые метались по стенам как испуганные птицы. Снег за окнами шёл гуще, залеплял стёкла снаружи. В одном переходе я заметила, что кто-то нацарапал на подоконнике слово. Я не стала вглядываться. Не хотела знать.

Малая столовая оказалась почти пустой. Две свечи догорали в серебряных подсвечниках, оставляя лужицы стеарина на полированном дереве. В воздухе пахло воском и холодом — будто окна не держали тепло.

Император сидел во главе стола. Один.

Перед ним стоял кубок с вином. Полный, нетронутый. Он не пил. Не ел. Просто смотрел в стену, на тёмный прямоугольник, где когда-то висела картина.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь.

Голос низкий, хрипловатый. Не от простуды — от долгого молчания.

Я села напротив. Между нами — широкая дубовая столешница, как крепостная стена. Я смотрела на его лицо: впалые щёки, тени под глазами, старый шрам на скуле. Он выглядел старше, чем вчера на балу. Или это мне только казалось?

— Ты вчера хотела сбежать, — сказал он. — Я видел твои глаза.

Я не стала врать.

— Хотела. Передумала.

— Почему?

— Потому что без меня вы пропадете.

Он усмехнулся. Коротко. Без радости. Так усмехаются люди, которые уже всё поняли про этот мир и не ждут от него подарков.

— Смелое заявление.

— Дориан сказал, что Рейвен готовит бунт. И я — повод.

— Знаю. — Он взял кубок, поднёс к губам — и поставил обратно, не отпив. — Доказательств нет. Казнить графа без улик — поднять мятеж раньше времени. Лорды не простят. Они и так называют меня узурпатором, только за спиной.

— Что вы сделаете?

— Буду ждать. И следить. — Он повернул голову и впервые взглянул мне прямо в глаза. И я увидела не лёд. Я увидела усталость. Такую глубокую, будто он тащил на себе годы, которые не жил. — Ты останешься рядом. Это лучшая защита для тебя. И худшая — для меня.

— Вы боитесь за меня?

— Боюсь, что ты умрёшь. — Его голос упал почти до шёпота. — А я останусь. Смотреть на очередной призрак. Это всё, что я умею. Смотреть, как они уходят, и оставаться.

— А если я найду способ обмануть проклятие?

— Обмани. — Он вдруг накрыл мою руку своей. Пальцы горячие, сухие, с твёрдыми мозолями — от меча, от поводьев, от той жизни, которая была до короны. — Только не умирай.

Я не отдёрнула руку. Смотрела на его пальцы поверх моих и чувствовала, как сердце пропускает удар. Потом ещё один. Потом начинает биться чаще.

— Не буду, — сказала я, и голос не дрогнул.

— Ступай. Уже поздно.

Он убрал руку. Отвернулся к окну — на снег, на серое небо, на чёрные деревья за стеклом.

Я встала, прошла к двери, остановилась.

— Данияр, — сказала я впервые без титула.

Его плечи чуть дрогнули. Но он не обернулся.

Я передумала говорить и вышла.

***

Вечер начался с того, что в дверь постучали. Не как раньше — не вежливо и не солдатски. А как-то растерянно, почти робко. Я сразу поняла: что-то не так.

Лукан стоял на пороге, белый как мел. Губы тряслись, и он даже не пытался это скрыть.

— Император… — голос у него сел. — Ему плохо. Лекарь сказал — отравление. Яд.

Я вскочила. Сердце ухнуло куда-то в живот.

— Где он?

— В своей спальне.

Я бежала по коридорам, не чувствуя ног. Плащ накинула на ходу, но холод всё равно пробирал до костей. Или это был не холод.

Спальня императора была огромной — высокие окна, тёмные портьеры, камин, в котором бешено ревел огонь. Но огонь не грел. Данияр лежал на кровати, и лицо у него было не просто бледное — серое. Губы синие. Под глазами — провалы, каких я не видела даже утром.

Эдмон, лекарь, суетился рядом, пытаясь влить ему в рот какую-то жидкость из чашки. Половина выливалась на подушку.

— Что случилось? — спросила я, и голос прозвучал чужим, не моим.

— Вино, — выдохнул Эдмон, не оборачиваясь. — Кто-то подлил яд в кубок. Мышиный. Или что-то похожее. Доза… не знаю, какая доза. Он выпил не всё, но достаточно.

— Он выживет?

Эдмон поднял на меня глаза. Красные, бессонные, испуганные.

— Не знаю. Если яд не вывести… сердце может остановиться. А может, и нет. Я ничего не могу обещать.

Я посмотрела на Данияра. Он дышал тяжело, с хрипом. Иногда его тело вздрагивало — мелко, судорожно, как у зверя, который борется за жизнь.

— Слушай меня, Эдмон, — сказала я. Голос стал твёрдым, хотя внутри всё тряслось. — У тебя есть травы. Полынь, имбирь, корень солодки, зверобой, лакрица, гвоздика. Ты знаешь, где это всё хранится. Бегом принеси сюда, и мы вместе приготовим отвар.

Эдмон моргнул, будто не понял.

— Я сказала — бегом! — рявкнула я.

Он сорвался с места и вылетел из спальни.

Я осталась у постели. Данияр открыл глаза — мутные, стеклянные, с красными прожилками. Он посмотрел на меня, но вряд ли узнал.

— Верея… — прошептал он, и это был не вопрос — так, обрывок.

— Я здесь, — ответила я. — Ты не умрёшь. Слышишь?

Он не ответил. Глаза закрылись, и дыхание стало ещё тяжелее.

Я оглянулась. В углу, прижавшись к стене, стояли двое слуг — парень и девушка, оба молодые, оба бледные от страха. Я их раньше не замечала.

— Вы, — сказала я. — Подойдите.

Они приблизились, пятясь, как побитые собаки.

— Сейчас принесут отвар. Вы будете делать так. — Я перевела дыхание. — Один из вас каждые пять минут смачивает чистую тряпку холодной водой и протирает императору лицо — лоб, щёки, шею. Это поможет сбить жар. Второй следит, чтобы он не захлебнулся, если начнёт рвать. Поняли?

Они закивали.

— И ни на шаг не отходить. Если что-то изменится — сразу зовёте меня.

Девушка уже взяла тряпку, намочила в тазу с водой, которую кто-то догадался поставить у кровати. Парень встал с другой стороны, готовый поддержать голову.

Я выдохнула. Теперь — ждать Эдмона.

Он вернулся через пять минут, запыхавшийся, с мешочком в одной руке и склянкой в другой.

— Всё, — выдохнул он. — Полынь, имбирь, корень солодки… Вот , всё принёс..

— Давай сюда.

Мы вместе замесили отвар. Я сыпала травы, Эдмон заливал кипятком, я мешала. Пальцы дрожали, но я не позволяла себе ошибиться. Полынь — щепотка, имбирь — на кончике ножа, корень солодки — чуть больше, чтобы сгладить горечь.

— Готово, — сказала я.

Я поднесла чашку к губам Данияра. Парень осторожно приподнял его голову. Я вливала отвар медленно, по глотку. Он давился, кашлял, но я держала чашку и шептала:

— Пей. Пей, чёрт тебя дери.

Он выпил почти половину. Потом его вырвало — густо, чёрно, с пеной. Девушка вовремя подставила таз, второй слуга удержал его за плечи.

— Ещё, — сказала я Эдмону. — Делай вторую порцию.

Мы повторили. И третью.

С каждым разом рвота была жиже, светлее. Яд выходил — медленно, тяжело, но выходил.

— Теперь уголь, — сказала я.

Размешали уголь в воде. Данияр пил уже почти без сознания, но глотал. Рефлекс.

Потом всё стихло. Он лежал неподвижно, грудь едва поднималась.

Я смотрела на него и не могла понять — жив ли он ещё.

Эдмон приложил пальцы к его шее, долго слушал. Потом убрал руку.

— Пульс есть, — сказал он тихо. — Но слабый. Очень слабый.

— Что теперь? — спросила я.

— Ждать. — Он устало опустился на стул. — Если организм справится… если яд не успел повредить сердце… Он может очнуться через несколько часов. А может — не очнуться.

Я села в кресло у постели. Взяла его руку — холодную, безжизненную.

— Протрите лицо, — сказала я слугам. — Продолжайте.

Девушка снова смочила тряпку и осторожно провела по лбу Данияра. Парень стоял навытяжку, готовый в любой момент подхватить.

Я сжимала его пальцы и смотрела на его лицо. На синие губы. На впалые виски.

— Не умирай, — прошептала я. — Ты обещал мне танец. Ещё один.

Он не ответил.

Огонь в камине прогорал. Свечи оплывали. Слуги молча меняли тряпки и протирали его лицо снова и снова.

А я сидела и ждала.

И не знала — проснётся ли он когда-нибудь.

Глава 17. Чёрный рассвет

Ночь растянулась в бесконечность.

Я сидела в кресле, вцепившись в холодные пальцы Данияра, и считала минуты. Не по часам — по его дыханию. Вдох. Выдох. Пауза. Слишком длинная пауза. Я задерживала своё дыхание, ждала, пока его грудная клетка снова поднимется, и только тогда выдыхала.

Эдмон давно перестал давать прогнозы. Он сидел в углу, на низкой скамье, и тупо смотрел на свои руки. Лекарь выглядел так, будто сам только что избежал смерти — осунувшийся, серый, с мешками под глазами. Дважды за ночь он подходил к постели, щупал пульс, заглядывал под веки, нюхал отвар в чашке. И дважды молча возвращался на место.

— Говорите, — сказала я в какой-то момент. — Мне нужна правда.

Эдмон поднял голову. Его глаза покраснели, веки набрякли.

— Правда в том, — сказал он тихо, — что я не знаю, выживет ли он. Сердце бьётся неровно. Яд мог повредить печень. Или лёгкие. Или мозг. Пока он не очнётся, я ничего не скажу.

— А если не очнётся?

Лекарь помолчал.

— Тогда будет мятеж. И нас всех убьют. Вас — первой.

— Мне плевать на мятеж. Я про него спрашиваю.

— Про него? — Эдмон усмехнулся горько. — Я уже все сказал.

Я отвернулась. Не хотела слышать эту старческую мудрость.

В комнате было душно. Камин прогорел до углей, но жар стоял невыносимый — или это у меня поднялась температура от страха. Я накинула на плечи плащ, хотя в нём было ещё хуже. Мира, та самая молодая служанка, всё ещё стояла у изголовья с мокрой тряпкой. Она не спала. Она вообще не выглядела уставшей — только испуганной. Каждые пять минут она аккуратно проводила холодной тканью по лбу императора, потом по щекам, потом по шее. Медленно, без лишних движений.

Лиам, второй слуга, поменял воду в тазу три раза за ночь. Молча. Без единого звука.

— Вы хорошие, — сказала я им. — Оба. Я запомню.

Мира кивнула, не поднимая глаз. Лиам что-то пробормотал в ответ — не разобрать.

Под утро я начала клевать носом. Тело требовало сна, но разум отказывался. Каждый раз, когда веки тяжелели, я представляла, что открываю их — а он уже не дышит. И снова распахивала глаза. Смотрела на его лицо. Грудь поднималась.

— Идите поспите, — сказал Эдмон. — Я посторожу.

— Нет.

— Вы не железная.

— Я сказала — нет.

Он не стал спорить. Только покачал головой и отвернулся к окну. Там уже серело. Снег перестал. В сером рассветном небе висела одна мутная звезда, последняя.

***

Данияр пошевелился в шестом часу утра.

Я почувствовала это — сначала его пальцы чуть сжали мои. Слабо, почти незаметно. Потом веки дрогнули. Потом он открыл рот и что-то прошептал, но звука не было — только воздух.

Я наклонилась к самому его лицу.

— Что?

Он попробовал снова. На этот раз я разобрала:

— Воды…

— Мира, воду. Быстро.

Мира метнулась к графину. Я приподняла голову Данияра — осторожно, чтобы не задеть шею, — и поднесла чашку к губам. Он пил мелкими глотками, давился, но пил. Глаза его были открыты, но смотрели сквозь меня. Неузнающие.

— Данияр, — сказала я громко. — Ты меня слышишь?

Он моргнул. Долго, медленно. Потом фокус сместился, и он наконец посмотрел на меня. Не просто в мою сторону — прямо в лицо.

— Верея, — сказал он. Это был не вопрос. Утверждение. — Ты… здесь.

— Я здесь. Ты в своей спальне. Тебя отравили. Но ты живой.

Он опустил взгляд на свою руку, на мои пальцы, обвивающие его ладонь. Потом перевёл глаза на потолок. Потом снова на меня.

— Пить, — повторил он.

Я дала ему ещё воды. Он выпил всю чашку, не отрываясь.

Эдмон уже стоял у кровати, щупал пульс, заглядывал в зрачки.

— Зрачки реагируют, — сказал он тихо, и в его голосе впервые за ночь прорезалось удивление. — Пульс ровнее. Он вышел из критической фазы.

— То есть выживет? — спросила я.

— Не уверен. Но шансы выросли. — Эдмон выпрямился. — Теперь нужен покой. И отвар каждые три часа. Тот же состав. И следить, чтобы он не срыгнул.

— Я прослежу.

Эдмон посмотрел на меня с чем-то похожим на уважение. Или на жалость.

— Вы спали сегодня?

— Нет.

— Тогда поспите. Он проспит ещё несколько часов. Организм восстанавливается. А вы рухнете — кому тогда его лечить?

Я хотела возразить, но поняла, что он прав. Тело ватное, голова чугунная. Если я упаду в обморок у его кровати — толку от меня не будет.

— Мира, — сказала я. — Ты остаёшься здесь. Смотришь за ним. Если что-то изменится — дыхание, цвет лица, температура — сразу будишь меня. Я в соседней комнате. Лиам, ты принесёшь мне туда воды и чистую простыню. Я посплю прямо на диване, не раздеваясь.

— Сделаем, — кивнула Мира.

Я встала. Ноги затекли, спина болела так, будто меня били палками. Я сделала три шага к двери, остановилась, обернулась.

Данияр смотрел на меня.

— Не уходи далеко, — сказал он тихо.

— Я через стену. Позовешь — услышу.

Он кивнул и закрыл глаза.

Я вышла в соседнюю комнату — маленькую гардеробную с диваном, обтянутым выцветшим бархатом. Лиам уже принёс воду и простыню. Я бросила плащ на пол, легла на диван, подложила простыню под голову и закрыла глаза.

Сон пришёл мгновенно — чёрный, без сновидений, тяжёлый, как камень.

***

Разбудил меня голос Миры.

— Госпожа, — шептала она, тряся за плечо. — Госпожа, проснитесь.

Я открыла глаза. В окнах было светло — ярко, по-зимнему. Солнце? Не может быть. Снегопад кончился.

— Что случилось?

— Император очнулся. Он зовёт вас. И ещё… — она замялась. — Пришёл граф Рейвен. Хочет навестить. Мы не пускаем, но он настаивает.

Я села. Голова закружилась, но я удержалась.

— Как он узнал, что император очнулся?

— Не знаю, госпожа. Может, у него есть свои люди.

— Конечно, есть. — Я встала, поправила волосы, одёрнула платье. — Где сейчас Рейвен?

— В приёмной. Дориан с ним. Не пускает.

— Хорошо. Иди к императору. Скажи, что я сейчас приду. А Рейвену передай — пусть ждёт. Я сама с ним поговорю.

Мира выбежала. Я ополоснула лицо водой из таза, пригладила волосы мокрыми пальцами и вышла в коридор.

***

Приёмная оказалась небольшой комнатой с двумя узкими окнами, выходящими во внутренний двор. Рейвен стоял у камина, в котором никто не разжигал огня. В холодном свете его лицо казалось высеченным из камня — острые скулы, тонкие губы, глаза цвета старой стали.

Он был одет в чёрное, без украшений, но в каждой складке его камзола чувствовалась дороговизна. Граф Рейвен не нуждался в блеске. Он сам был блеском — холодным, режущим.

Дориан стоял у двери, скрестив руки на груди. Его перевязанное плечо топорщилось под рубахой, но он даже не морщился.

— Верея, — Рейвен развернулся ко мне, и на его губах появилась улыбка — вежливая, чуть печальная. — Рад видеть вас в добром здравии. Как император?

— Спрашиваете так, будто не знаете.

— Я знаю только то, что мне говорят. А говорят разное. — Он шагнул ко мне, но я не отступила. — Кто-то шепчет, что он при смерти. Кто-то — что уже здоров. Я хочу увидеть его сам.

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что лекарь запретил. Посетители — это лишний стресс. Вы же не хотите, чтобы императору стало хуже?

Рейвен посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Вы изменились, — сказал он тихо. — Вчера вы были другой.

— Вчера никто не травил императора.

— Вы думаете, это я? — Его брови взлетели вверх — идеально сыгранное удивление.

— Я ничего не думаю, граф. Я просто делаю своё дело.

Он усмехнулся. Не зло — скорее устало. Как человек, который привык, что его подозревают во всём, даже в том, чего он не делал.

— Берегите его, Верея. — Рейвен направился к выходу, но на пороге остановился. — И себя тоже. В этом замке легко стать призраком. Особенно невесте.

Он вышел. Дориан проводил его взглядом, потом повернулся ко мне.

— Он врёт, — сказал я.

Дориан подошёл ближе.

— У него был человек в спальне. Я проверил. Один из ночных сторожей пропал сегодня утром. Никто не знает, куда.

— Рейвен его убрал?

— Или припрятал. Но факт: кто-то доложил ему, что император очнулся. Не прошло и десяти минут.

— У нас есть крысы.

— У нас их целая свора. — Дориан вздохнул. — Я займусь. А вы идите к нему. Он ждёт.

***

Данияр сидел в кровати, опираясь на подушки. Лицо всё ещё серое, губы сухие, но глаза ясные. Живые.

Я села на край кровати, взяла его руку. Она была тёплой — почти нормальной температуры.

— Рейвен приходил, — сказала я. — Я его не пустила.

— Умно.

— Он знал, что ты очнулся. Сразу. Дориан говорит, у нас есть свои крысы.

— Конечно, есть. — Данияр усмехнулся, и этот смех перешёл в кашель. Я поддержала его за плечи, пока он не откашлялся. — В замке всегда есть те, кто продаёт информацию. Не всех можно купить верностью.

— Нужно найти того, кто продал нас.

— Найди, — сказал он. — Ты теперь мои глаза. Я пока не могу.

— Я всего лишь травница.

— Ты — моя невеста. — Он посмотрел на меня твёрдо. — Это даёт тебе право приказывать слугам. И даже некоторым лордам. Пользуйся.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку.

— Не спорь. Я не умер. Значит, ты будешь действовать.

Я замолчала. Он был прав. Впервые за двое суток я почувствовала не страх, не отчаяние — злость. Чистую, холодную злость на того, кто посмел подлить яд в его кубок.

— Хорошо, — сказала я. — Я найду.

— Тогда начинай с кухни. С вина. С того, кто имел доступ к кубку.

— Эдмон уже всё проверил. Остатки вина пропали. Графин промыли.

— Значит, ищи того, кто промыл.

Я кивнула. Мысль была железной: кто-то уничтожил следы. Кто-то из своих.

— А теперь ты будешь отдыхать, — сказала я, поднимаясь.

— Ты не моя нянька.

— Нет, я твоя невеста. А невеста имеет право заботиться о женихе. Даже если он император.

Он хотел что-то сказать, но усталость взяла своё. Веки тяжелели, дыхание становилось глубже.

— Оставайся рядом, — прошептал он, уже засыпая.

— Я рядом, — ответила я.

Он уснул. Я сидела и смотрела, как его лицо постепенно расслабляется, как уходят морщины со лба, как он становится моложе — почти мальчишкой, который никогда не был императором, не нёс на себе проклятие призраков, не терял всех, кого любил.

— Я найду их, — сказала я тихо, сжимая его руку. — Всех, кто хотел тебя убить.

***

В полдень я вышла в коридор. Там, прислонившись к стене, стояла Тали, кутаясь в чёрную шаль, хотя в замке было тепло.

— Он спит? — спросила она.

— Да.

— Долго не протянет, если не убрать яд до конца.

— Эдмон сказал, острая фаза прошла.

— Эдмон — лекарь. Он лечит тело. А я вижу то, что не видит он. — Тали посмотрела на меня своими чёрными, бездонными глазами. — Яд не весь вышел. Часть осела в крови. Организм справляется, но медленно. Если Рейвен повторит попытку через пару дней — император не выживет. Второй раз сердце не выдержит.

— Что мне делать?

— Укрепить его. И убрать угрозу. — Тали шагнула ближе. — Ты знаешь, кто это сделал.

— Рейвен. Но доказательств нет.

— Тебе и не нужны доказательства. — В голосе Тали прозвучало что-то змеиное. — Тебе нужна уверенность. Ты в ней. Остальное — вопрос того, кто первый нанесёт удар.

Она развернулась и ушла, оставив запах полыни и горечи.

Я осталась в коридоре, слушая, как где-то далеко плачет призрак.

И поняла, что выбора у меня больше нет.

Я не просто травница. Не просто невеста.

Я — та, кто не даст ему умереть.

Даже если для этого придётся убить.

Глава 18. Тот, кто трогал кубок

Проснулась я оттого, что кто-то тряс меня за плечо.

— Госпожа. Госпожа, проснитесь.

Мира. Опять Мира. Её лицо было бледным, но не испуганным — скорее встревоженным. В руках она держала чистую тряпку и графин с водой.

— Император? — спросила я, садясь на диване. Голова была тяжёлой, во рту — горечь невыспавшегося страха.

— Спит, госпожа. Ровно. Эдмон сказал, что температура почти пришла в норму. — Она поставила графин на столик. — Но пришёл другой человек. Солдат. Говорит, от Дориана. Сказал передать, что «мальчишка нашёлся».

Я вскочила. Сердце ёкнуло.

— Какой мальчишка?

— Он не сказал. Велел идти в старую башню, к винному погребу. Только велел никому не говорить.

— Который час?

— Около полудня, госпожа.

Чёрт. Я проспала почти пять часов. Пять часов, пока Данияр лежал больной, а Рейвен, возможно, готовил следующий шаг.

Я плеснула в лицо воды из графина, пригладила волосы пальцами. Платье было мятым, но переодеваться не было времени.

— Иди к императору, — сказала я Мире. — Сиди рядом. Если кто-то кроме Эдмона попытается войти — зови стражу. Громко.

— Сделаю, госпожа.

Я вышла в коридор и почти столкнулась с Лиамом. Парень стоял у двери, сжимая в руке короткий нож — не оружие, скорее кухонный тесак.

— Ты чего?

— Дориан велел охранять, — сказал Лиам. — Мало ли.

— Молодец. Стой здесь. Я скоро вернусь.

Старая башня находилась в северном крыле замка — туда редко заходили слуги. Полуразрушенная лестница, запах сырости и плесени, факелы не горят — только тусклый свет из узких бойниц. Вино там хранили какое-то дешёвое, для прислуги, но последние годы, говорят, и его почти не осталось.

Спуск занял минуты три. Я шла медленно, держась за скользкие каменные стены, и на каждом шагу ждала, что кто-то выскочит из темноты.

Внизу горел одинокий фонарь. Ржавый, коптящий, но света давал достаточно, чтобы разглядеть фигуру.

Дориан стоял у дубовой бочки, скрестив руки на груди. Рядом с ним — мальчишка. Лет тринадцати-четырнадцати, тощий, в грязной рубахе, с трясущимися руками. Лицо в синяках — свежих, багровых. Губа разбита.

— Это он? — спросила я, подходя ближе.

— Он, — кивнул Дориан. — Звать Ник. Подавал вино вчера вечером. Не императору — сам Рейвен приказал принести кубок в малую столовую. Сказал, что хочет выпить за здоровье повелителя перед сном.

— Рейвен сам попросил?

— Да, госпожа, — мальчишка заговорил быстро, глотая слова. — Он пришёл на кухню, сказал: «Принеси-ка лучшего вина императору». Я принёс графин и кубок. Поставил на поднос. А он… — мальчишка сглотнул, — он велел мне выйти. Сказал, сам донесёт.

— То есть Рейвен остался с кубком один?

— Да. Я вышел. Через минуту он позвал меня обратно, сказал, чтобы я отнёс кубок в малую столовую и поставил на стол. Я так и сделал.

— Ты видел, он что-то сыпал в вино?

Мальчишка замолчал. Глаза его бегали, он облизывал разбитую губу.

— Не бойся, — сказала я тихо. — Говори как есть.

— Я не видел, — выдавил он. — Но когда я вернулся… кубок стоял на подносе, а рядом были крошки. Белые. Как соль. Я подумал, может, он сахар сыпал. А потом… — его голос сорвался, — потом я услышал, что императору плохо. И испугался. Убежал.

— Кто тебя избил?

Мальчишка опустил голову.

— Люди Рейвена. Сегодня утром. Нашли меня в конюшне, где я прятался. Сказали, если я кому-то расскажу, они убьют меня. И мою сестру.

— Сестра у него в замке работает, — вставил Дориан. — Прачкой. Я её уже перепрятал в безопасное место.

— Умно, — сказала я. Повернулась к мальчишке. — Ник, ты сделал правильно, что рассказал. Теперь слушай меня. Ты будешь жить в моих покоях, пока всё не утихнет. Рядом с императорской спальней. Тебя никто не тронет. Понял?

Мальчишка поднял на меня глаза — затравленные, но с надеждой.

— Правда?

— Правда. — Я посмотрела на Дориана. — Забери его сейчас же. И проследи, чтобы Рейвен не узнал.

— Уже поздно, — сказал Дориан. — Рейвен знает, что я ищу мальчишку. Он отправил своих людей на полчаса раньше меня. Но я успел первым.

— Как он узнал?

— У нас крысы. Я их найду.

— Найди. — Я вздохнула. — А я пока поговорю с графом. Официально.

— Не советую, — нахмурился Дориан. — Он опасен.

— А я, по-твоему, нет?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом усмехнулся уголком губ.

— Ладно. Только не одна.

— Возьму Тали.

— Тали — ещё та штучка, — кивнул Дориан. — Ладно. Идите.

Он увёл мальчишку. Я осталась в винном погребе, глядя на ржавый фонарь, на плесень на стенах, на тёмные бочки.

Всё сходилось. Рейвен собственноручно подлил яд. Не через слугу — боялся, что тот проболтается. Сам. А потом заставил мальчишку отнести отравленный кубок.

Мне стало холодно. Не от сквозняка — от понимания, что этот человек не остановится.

***

В приёмной Рейвен ждал меня уже через час.

Я успела переодеться в тёмно-синее платье — единственное, которое выглядело прилично, но не вызывающе. Волосы собрала в низкий пучок. На поясе — маленький мешочек с сушёной крапивой и зверобоем. На всякий случай.

Тали вошла вместе со мной. Встала у двери, сложив руки на груди. Молчаливая тень.

Рейвен сидел в кресле у окна, перелистывал какую-то книгу — делал вид, что читает. Увидев меня, закрыл её, отложил в сторону и поднялся.

— Верея. Как император?

— Лучше. — Я не стала садиться. Остановилась напротив него, на расстоянии вытянутой руки. — Но вас я к нему не пущу.

— Я и не настаиваю. — Он развёл руками, показывая, что безоружен. — Пришёл спросить, не нужна ли какая помощь. Лекарства, лекари — у меня есть связи в столице.

— У нас есть свой лекарь.

— Эдмон стар. Он хорош при простудах и порезах. Но яд — это серьёзнее.

— Откуда вы знаете, что это яд? — спросила я прямо.

Рейвен замер на долю секунды. Потом улыбнулся — мягко, печально.

— Слухи, моя дорогая. В замке только и говорят, что об отравлении. Я не глухой.

— А я слышала другое. — Я шагнула ближе. — Я слышала, что вы сами поднесли ему кубок.

Тень мелькнула на его лице. Не страх — раздражение. Как у человека, которого обвиняют в том, чего он не делал, но доказать не может.

— Это ложь, — сказал он тихо. — Кто бы вам ни сказал — он врёт.

— Мальчик Ник не врет. Он видел, как вы остались с кубком одни.

— Мальчик Ник — крестьянский сын, который испугался наказания за то, что плохо вымыл посуду. Или за то, что украл печенье. — Рейвен вздохнул. — Дети лгут, Верея. Особенно когда их запугивают.

— Его запугали ваши люди.

— Мои люди? — Рейвен прижал руку к груди. — Я понятия не имею, о ком вы говорите.

Врал он искусно. Каждое слово звучало правдиво, каждая интонация — искренне. Если бы я не знала правды, я бы поверила.

— Убирайтесь из замка, граф, — сказала я. — До тех пор, пока император не встанет на ноги, ваше присутствие здесь нежелательно.

Он поднял брови.

— Вы не имеете права выгонять меня.

— Я — невеста императора. Пока он болен, я принимаю решения. — Я посмотрела ему в глаза. — Хотите проверить, поддержат ли меня лорды?

Тишина повисла в комнате. Тяжёлая, как свинец.

Рейвен смотрел на меня. Я смотрела на него.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я уеду. Но ненадолго. И когда вернусь — мы продолжим этот разговор.

Он взял со стола перчатки, надел их медленно, каждым движением показывая, что не торопится, что он здесь не потому, что боится, а потому, что сам решил уйти.

У двери он остановился, посмотрел на Тали, потом на меня.

— Берегите его, Верея. И себя. Раненый зверь опаснее здорового.

Он вышел. Дверь закрылась.

Тали шагнула ко мне.

— Ты только что объявила войну.

— Знаю.

— Он не простит.

— Я и не жду прощения. — Я разжала кулаки — ногти оставили полоски на ладонях. — Тали, мне нужно, чтобы ты посмотрела мою комнату.

— Зачем?

— Мне показалось, кто-то там рылся. Когда я уходила к императору, у меня книга Истры лежала на столике, закладкой вверх. Вернулась — закладка на другом месте.

Тали нахмурилась.

— Пошли.

***

Моя комната выглядела так же, как я её оставила. Неубранная постель, плащ на спинке стула, книга на столике. Но я сразу поняла — здесь кто-то был.

Тали прошлась вдоль стены, провела пальцами по корешкам книг, по краю стола.

— Двое, — сказала она. — Мужчины. Один тяжёлый, второй лёгкий. Запах пота, дешёвого табака и страха. — Она остановилась у окна. — Искали что-то маленькое. Перерыли твои травы.

Я подошла к шкафу. Там лежали мешочки — все завязаны, но не так, как я завязываю. У меня тройной узел всегда. Тут — простой.

— Они искали яд, — сказала я. — Хотели подставить меня. Подкинуть отраву в мои вещи.

— Или забрать то, что ты использовала, чтобы откачать императора, — добавила Тали. — Чтобы никто другой не смог повторить.

— Думаешь, Рейвен повторит попытку?

— Он не дурак. Первый раз не вышло — он найдёт другой способ. Или убьёт тебя. Без тебя император останется без защиты.

Я села на кровать. Страха не было. Была усталость — тягучая, вязкая, как та овсянка, которую я не доела утром.

— Тали, если я попрошу тебя отравить Рейвена — ты сделаешь?

— Сделаю. — Она ответила без колебаний. — Но ты должна быть готова к последствиям. Если лорды узнают — они поднимут бунт.

— А если не узнают?

— Тогда его похоронят с почестями. А через месяц все забудут, как он выглядел.

Я посмотрела на свои руки. Они не дрожали.

— Пока не надо. Дай мне время.

— Время — то, чего у нас нет, — сказала Тали. Но спорить не стала.

Она вышла. Я осталась одна.

В комнате пахло табаком — чужим, навязчивым. Я открыла окно, впустила холодный воздух. Снег почти перестал, но ветер всё ещё дул с севера, и замок дрожал от его порывов.

— Верея.

Я обернулась. В дверях стоял Данияр.

В одной рубашке, босиком, бледный, с тёмными кругами под глазами. И держался за косяк, потому что ноги не слушались.

— Ты с ума сошёл? — Я бросилась к нему, подхватила под локоть. — Тебе нельзя вставать!

— Услышал, что Рейвен был здесь, — прохрипел он. — Хотел…

— Хотел убедиться, что я жива. — Я повела его обратно в спальню, поддерживая за поясницу. — Всё нормально. Я его выгнала.

— Выгнала? — Он усмехнулся, тяжело дыша. — Молодец.

— Не разговаривай. Экономь силы.

Мы дошли до кровати. Данияр рухнул на подушки, даже не пытаясь сесть ровно. Я укрыла его одеялом, подоткнула со всех сторон, как ребёнка.

— Не вставай больше без меня, — сказала я. — И без Эдмона.

— Тяжело, — выдохнул он. — Лежать и ничего не делать.

— Терпи. Тебя чуть не убили. Благодари богов, что я умею готовить отвары.

Он закрыл глаза. Дыхание выравнивалось медленно, тяжело. Его лицо — осунувшееся, бледное — в сером свете дня казалось восковым.

Я села в кресло, взяла его руку.

Пальцы были холодными, но живыми.

— Ты сегодня нашла мальчишку? — спросил он, не открывая глаз.

— Да. Он видел, как Рейвен остался с кубком один.

— Хватит, чтобы казнить?

— Нет. — Я покачала головой. — Мальчик не видел, как он сыпал яд. Только крошки на столе. Этого мало.

— Мало, — согласился Данияр. — Рейвен отмажется. Скажет, что сыпал сахар.

— Знаю. Но теперь у нас есть свидетель того, что Рейвен прикасался к кубку. И что его люди искали мальчика, чтобы убить.

— Тоже не доказательство.

— Это пазл. Я соберу его целиком.

Данияр открыл глаза и посмотрел на меня. Долго, внимательно.

— Ты изменилась, — сказал он. — За двое суток.

— Я? — удивилась я. — Это ты лежишь с отравлением.

— Я лежу с отравлением, потому что кто-то хотел меня убить. А ты — та, кто не дал этому случиться. И теперь ты ведёшь расследование, выгоняешь графов, ставишь слуг на уши. — Он слабо улыбнулся. — Где та травница, которая боялась призраков?

— Она здесь, — ответила я. — Просто поняла, что призраки не самое страшное, что есть в этом замке.

Он сжал мои пальцы. Слабо, но осознанно.

— Тогда оставайся такой. Сильной.

— Я и не собиралась быть слабой.

Он закрыл глаза и через минуту уснул.

Я сидела рядом, слушала его дыхание и думала о том, что сказала Тали: времени у нас нет.

Рейвен уехал, но вернётся. С новым планом. С новым ядом. С новым убийцей.

И в следующий раз Данияр может не проснуться.

Я посмотрела на свои руки. Маленькие, с короткими ногтями, с заусенцами от трав и мозолями от перетирания кореньев.

Это всё, что у меня есть. Травы. Руки. И голова, которая умеет думать.

— Хватит, — сказала я тишине.

За окном снова пошёл снег.

Я не заметила, как уснула в кресле.

Разбудил меня тихий голос Миры:

— Госпожа. Император просит есть.

Я открыла глаза. В спальне было темно — догорала последняя свеча. Данияр сидел в кровати, опираясь на подушки, и смотрел на меня.

— Булочку, — сказал он. — И чай. Только не дымный.

— Ты уверен, что желудок примет?

— Умру с голоду — тоже не вариант.

Я встала, потянулась — спина затекла, шея не поворачивалась.

— Мира, принеси бульон. Слабый, куриный. И хлеб. Чай — с мятой.

— Слушаюсь.

Мира выбежала. Я села на край кровати, потрогала лоб Данияра. Холодный. Почти нормальный.

— Жар прошёл, — сказала я.

— Чувствую. — Он поморщился. — Только слабость зверская.

— Это яд. Ему нужно время, чтобы выйти полностью.

— Сколько?

— Дня три. Может, неделя.

Он вздохнул.

— Неделя безделья. Идеально, чтобы Рейвен подготовил новый удар.

— Поэтому я буду твоими глазами и ушами. И кулаками, если понадобится.

Он поднял на меня взгляд. В полутьме его глаза казались чёрными, бездонными.

— Ты готова убить, Верея?

Вопрос повис в воздухе. Тяжёлый, как мокрое одеяло.

Я подумала о мальчишке Нике, о его разбитой губе. О том, как Рейвен смотрел на меня сегодня — спокойно, с чувством превосходства. О том, что Данияр мог умереть. О том, что я могла остаться одна, без союзников, без защиты, без права на жизнь.

— Да, — сказала я. — Если придётся — да.

Он кивнул.

Больше мы не говорили ни слова.

Вернулась Мира с подносом. Я налила бульон в чашку, подала Данияру. Он пил маленькими глотками, держа чашку обеими руками, потому что пальцы дрожали.

Я смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри меня становится твёрже, тяжелее, острее.

Может быть, это была решимость.

А может — начало той жестокости, без которой в этом замке не выжить.

За окном падал снег.

Белый, тихий, равнодушный.

Глава 19. Чужие среди своих

Следующие два дня прошли как под водой — медленно, тягуче, с приглушёнными звуками и чувством, что вот-вот задохнёшься.

Данияр шёл на поправку. Медленно, но верно. Эдмон проверял его каждые четыре часа, даже ночью — вставал, шаркал тапками по каменному полу, щупал пульс, заглядывал в зрачки. Утром третьего дня он объявил:

— Кризис миновал. Теперь только восстановление. Отвар три раза в день, постельный режим, лёгкая пища. Через неделю встанет.

— Через неделю, — повторил Данияр с такой интонацией, будто ему объявили смертный приговор. Но спорить не стал.

Я почти не отходила от него. Спала в кресле, ела урывками, когда Мира приносила еду прямо в спальню. Тали появлялась дважды в день — коротко докладывала, что происходит в замке.

— Рейвен уехал в своё поместье, — сказала она на второй день. — Но его люди остались. Трое. Говорят, что помогают охранять порядок. На самом деле — следят.

— За кем?

— За тобой. За императором. За теми, кто приходит к вам.

— Кто эти трое?

— Один — капитан стражи, которого Рейвен привёл с собой. С ним шутить опасно — он убивал. Второй — служанка, работает на кухне. Третьего я не вычислила. Он прячется хорошо.

— Найди, — сказала я.

— Ищу.

Дориан приходил реже, но каждый раз с новостями. Мальчишку Ника он спрятал в комнате при конюшне — туда никто не ходил кроме конюхов, а конюхи были свои.

— Он боится, — сказал Дориан. — Говорит, что видел Рейвена прошлой ночью. В замке. Хотя тот якобы уехал.

— Значит, не уехал. Или вернулся тайно.

— Или у него есть двойник. — Дориан пожал плечами. — Я проверю.

— Проверь.

На третий день я впервые за долгое время вышла в большой коридор. Нужно было проведать кухню — лично, чтобы убедиться, что еду для императора готовят из чистых продуктов, без добавок.

Кухня замка была огромной — с тремя очагами, двумя печами и длинным столом, за которым работали поварята. Пахло здесь хлебом, чесноком и дымом — не тем, отравленным дымом из моего чая, а нормальным, живым.

Главный повар, толстый мужчина по имени Гуннар, встретил меня с подозрением.

— Вы — невеста? — спросил он, вытирая руки о фартук.

— Я. — Я оглядела кухню. — Покажите, где готовят еду для императора.

— Отдельный котёл, отдельные доски, отдельные ножи. — Гуннар кивнул в угол. — Там. Под замком. Ключ у меня.

— Кто имеет доступ?

— Я. И два моих помощника. Остальным вход заказан.

— Помощники — кто?

— Мальчик Тим и девица Грета. Оба при замке с детства.

— Грета — это та, которую привёл Рейвен?

Гуннар нахмурился.

— Грета — дочь моего бывшего повара. Она здесь двадцать лет. Рейвен её не приводил.

— А кто приходил с Рейвеном?

— С графом? — Гуннар почесал затылок. — Он приезжал со своим поваром. Тот на моей кухне не готовил, всё при себе возил. Но я слышал, как он спрашивал про императорскую еду.

— Что именно спрашивал?

— Откуда продукты, кто проверяет, не болел ли кто из поварят. Обычные вопросы.

— Необычные, — сказала я. — Откуда чужому повару знать про болезни поварят?

Гуннар замолчал.

— Грета ему рассказала, — сказал он наконец. — Я видел, как они разговаривали.

— Позовите Грету.

Девушка подошла несмело — лет двадцати, рыжая, веснушчатая, с руками, измазанными тестом. Глаза испуганные.

— Ты говорила с поваром Рейвена? — спросила я прямо.

— Говорила, — выдохнула она. — Он сам подошёл. Спросил, как дела, не болеет ли кто. Я сказала, что все здоровы. Это преступление?

— В обычное время — нет. Сейчас — когда императора отравили — да. — Я посмотрела на неё в упор. — Что ещё ты ему сказала?

— Больше ничего! Клянусь!

— Ты сказала, что Эдмон берёт травы из моей комнаты. Что я лечу императора сама. Я права?

Грета побледнела.

— Я… я просто… Он спросил, кто лечит, я сказала…

— Ты сказала то, что не должна была говорить. — Я вздохнула. — Ты не будешь наказана. Но ты будешь следить за каждым словом, которое вылетает из твоего рта. Если я узнаю, что ты ещё раз говорила с людьми Рейвена — ты покинешь замок. Вместе с семьёй.

Грета заплакала. Я не стала её утешать.

— Гуннар, — сказала я. — Приготовьте для императора бульон из курицы, свежий хлеб и чай с мятой. Подадите лично. Через час.

— Сделаю.

Я вышла с кухни.

В коридоре меня ждала Тали.

— Ты её запугала, — сказала она.

— Надо.

— Она не враг. Просто болтливая дура.

— Болтливые дуры тоже помогают врагам. — Я пошла к лестнице. — Что с третьим человеком Рейвена?

— Нашла. — Тали пошла рядом. — Он не человек. Точнее, не совсем.

— В смысле?

— Он из тех, кто живёт в стенах. Призрак. Но не простой — такой, который может брать вещи. Передвигать предметы. Подслушивать.

У меня похолодело внутри.

— И Рейвен с ним договорился?

— Похоже на то. Я чувствую его присутствие рядом с твоей комнатой. И возле императорской спальни.

— Как его остановить?

— Изгнать. Но для этого нужна кровь. Твоя.

— Моя?

— Ритуал старый. Ты проводишь линию своей кровью на пороге — и он не сможет войти. Но он найдёт другой путь. Стены не держат таких, как он.

— Что же делать?

— Узнать, зачем Рейвену призрак. Что он хочет услышать. Или украсть.

Мы поднялись на второй этаж. У дверей императорской спальни стоял Лиам с ножом. Увидев меня, он выпрямился.

— Всё тихо, госпожа.

— Хорошо. — Я кивнула Тали. — Пошли внутрь. Нужно поговорить с императором.

***

Данияр сидел в кровати и читал письма. Их было много — стопка на прикроватном столике выросла за три дня. Лорды писали. Леди писали. Послы. Все хотели знать, жив ли император.

— Ты читаешь? — удивилась я.

— Пытаюсь, — ответил он, не поднимая головы. — Глаза слипаются через каждые две строчки.

— Дай мне. Я отберу важные, остальные выброшу.

— Не выбросишь. Это дипломатия. Каждое письмо нужно сохранить.

— Даже от леди Элси, которая спрашивает, не умер ли ты, чтобы прислать соболезнования с опозданием?

Он поднял голову, и на его губах появилась слабая усмешка.

— Откуда ты знаешь про леди Элси?

— Прочитала, когда ты спал. Она пишет витиевато, но суть одна: «Если вы всё же умерли, дайте знать, я приеду поплакать на публику».

— Её муж метит на место казначея.

— Тогда ей придётся подождать.

Данияр откинулся на подушки, устало прикрыв глаза. Тени под ними стали светлее — но всё ещё глубокие.

— Что в замке? — спросил он.

— В замке — крысы. Призраки. И Рейвен, который, скорее всего, не уезжал.

— Доказательства?

— Косвенные. Грета болтала с его поваром. Кухня под вопросом. И третий человек Рейвена — призрак, который умеет брать вещи.

Данияр открыл глаза.

— Такой есть в замке. Я знаю его. Давно.

— Откуда?

— Он был моим слугой. Лет двадцать назад. Умер от лихорадки. Но не ушёл. Остался.

— Ты можешь с ним поговорить?

— Могу. — Данияр помолчал. — Но не знаю, захочет ли он слушать меня. После того, как Рейвен его перекупил.

— Призраков можно перекупить?

— Их можно уговорить. Пообещать то, что они хотят. — Данияр посмотрел на меня. — Ты знаешь, что нужно призракам?

— Покой?

— Месть. Справедливость. Возможность закончить то, что не закончили при жизни. Рейвен — мастер обещать.

— Что он мог пообещать твоему бывшему слуге?

— Не знаю. — Данияр взял мою руку. — Но я выясню.

— Ты не встаёшь с кровати.

— Я могу говорить. — Он сжал мои пальцы. — Призраки слышат. Даже сквозь стены. Скажи ему, что я хочу встретиться.

— Как я скажу, если не знаю, где он?

— Позови. Громко. Скажи: «Мартин, император зовёт тебя». Он придёт.

Я посмотрела на Тали. Та кивнула.

Я вышла в коридор, огляделась. Никого.

— Мартин, — сказала я громко. — Император зовёт тебя.

Тишина.

— Мартин! — повторила я.

Воздух похолодел. В углу, у лестницы, появилась тень — серая, полупрозрачная, с очертаниями человека. Невысокий, сутулый, с руками, которые висели как плети.

— Чего надо? — голос был скрипучим, как несмазанная дверь.

— Император хочет говорить с тобой.

— Не хочу я с ним говорить.

— Почему?

— Потому что он меня забыл. Двадцать лет. Ни разу не позвал. А теперь вдруг — зовёт.

— Рейвен звал?

Призрак замолчал.

— Звал, — сказал он наконец.

— Что он тебе обещал?

— Жизнь. Обратно. Но я не верю. Он врёт.

— Тогда зачем ты с ним?

— Потому что он единственный, кто заметил. — В голосе призрака прозвучала горечь. — Двадцать лет я здесь, а видели меня только двое. Рейвен и вы.

— Император видит тебя сейчас.

— Сейчас — да. А двадцать лет? Где он был? — Призрак шагнул ближе, и воздух стал ледяным. — Он правил. Женился. Хоронил жён. А я стоял в углу и смотрел. И ни разу он не сказал: «Мартин, я помню тебя».

— Он скажет сейчас. Если ты войдёшь.

Призрак долго молчал. Потом растворился в воздухе, оставив после себя запах сырости и гнилых досок.

Я вернулась в спальню.

— Он не пришёл, — сказала я Данияру.

— Придёт. Ему нужно время.

— Он обижен. На то, что ты его забыл.

— Знаю. — Данияр закрыл глаза. — Я многих забыл. Это моя вина.

Я не стала его утешать. Он был прав. И он это знал.

***

Ночью я не спала.

Сидела в кресле, смотрела на тени, которые метались по стенам. Данияр спал — крепко, без сновидений. Эдмон оставил графин с водой и свечу.

Около полуночи воздух снова похолодел.

Мартин стоял в углу комнаты — серый, прозрачный, с лицом, которое трудно было разглядеть.

— Он спит, — сказал призрак.

— Скоро проснётся. Ты подожди.

— Не хочу ждать.

— Тогда разбуди его сам. Но осторожно. Он болен.

Мартин подошёл к кровати. Его рука — сквозь одеяло, сквозь тело Данияра — прошла, не оставив следа. И всё же император вздрогнул, открыл глаза.

— Мартин, — сказал он тихо. — Я знал, что ты придёшь.

— Ты звал, — ответил призрак. — Я пришёл. Что дальше?

— Скажи, что обещал тебе Рейвен.

— Жизнь. — Голос призрака дрогнул. — Сказал, что знает способ. Нужно найти ту, кто умеет говорить с мёртвыми. Она вернёт меня.

— Такой нет, — сказала я.

— Он говорит, есть. — Мартин повернулся ко мне. — Говорит, она здесь. В замке.

— Кто?

— Не сказал. — Призрак помолчал. — Но я видел, как он говорил с ней. Женщина в чёрном. С перстнями.

Тали.

Я замерла.

— Ты видел Тали?

— Да. Она стояла у окна в его комнате. Он ей что-то приказывал. Она кивала.

— Тали не работает на Рейвена, — сказал Данияр.

— Я говорю, что видел, — ответил Мартин. — А вы верите кому хотите.

Он исчез. В комнате стало теплее.

Данияр посмотрел на меня.

— Это правда?

— Я… — Я не знала, что ответить. Тали помогала мне. Предупреждала. Спасала. Но если она работает на Рейвена…

— Не делай поспешных выводов, — сказал Данияр. — Призраки видят не всё. И не всегда понимают, что видят.

— А если это правда?

— Тогда у нас большие проблемы.

Я не спала до утра. Сидела, смотрела на огонь и думала.

Тали. Женщина с перстнями. Та, кто знала о яде. Та, кто сказала: «Я могу отравить Рейвена».

Играла ли она со мной? Или призрак ошибся?

За окном светало.

Мир становился сложнее. И темнее.

Глава 20. Талиэль

Я не сомкнула глаз до самого утра. Сидела в кресле, смотрела на огонь и перебирала в голове каждую встречу с Тали.

Как она появилась. Как говорила. Как смотрела. Как предложила отравить Рейвена.

Если призрак Мартин не врал — а призраки в этом замке вообще умели врать? Я не знала. Я вообще мало знала о них. Только то, что Данияр носил их в себе как проклятие. И то, что Тали казалась единственной, кто понимал их язык.

— Ты не спишь, — сказал Данияр.

Я подняла голову. Он лежал с открытыми глазами и смотрел на меня.

— Не могу.

— Из-за Мартина?

— Из-за Тали.

Он помолчал. Потом сел в кровати — медленно, опираясь на подушки. Движения были ещё слабыми, но уже не такими беспомощными, как вчера.

— Позови её, — сказал он.

— Сейчас? Среди ночи?

— Она не спит. Она вообще никогда не спит.

Я не стала спрашивать, откуда он знает. Встала, вышла в коридор.

Тали стояла у окна на лестничной площадке — куталась в чёрную шаль, смотрела на снег. Месяц освещал её профиль: острый нос, впалые щёки, тонкие губы.

Она не обернулась, когда я подошла.

— Император хочет меня видеть? — спросила она.

— Откуда ты знаешь?

— Я всегда знаю, — ответила Тали и повернулась. — Пойдём.

В спальне она встала у двери — не садилась, не приближалась к постели. Держалась на расстоянии, как зверь, который готов к прыжку, но не хочет показывать страх.

Данияр смотрел на неё долго, молча. Я стояла рядом, сжимая в кармане платья маленький мешочек с крапивой. На всякий случай.

— Мартин сказал, что ты работаешь на Рейвена, — наконец произнёс он.

Тали не дрогнула. Ни мышцей, ни взглядом.

— Мартин — призрак, — ответила она. — Призраки видят то, что хотят видеть. Или то, что им показывают.

— Ты отрицаешь?

— Я говорю, что он ошибся. Или его обманули.

— Кто?

— Рейвен. Он умеет играть с мёртвыми не хуже, чем с живыми.

Я шагнула вперёд.

— Тали, я хочу услышать правду. Ты работаешь на него?

Она посмотрела на меня. В её глазах не было обиды или злости. Только усталость. Такая же, как у Данияра.

— Я работаю на тех, кто платит, — сказала она. — Рейвен платил. Долгое время. Он обещал мне то, чего никто больше не мог дать.

— И что же?

— Покой. — Тали усмехнулась. — Смешно, да? Призрак, который хочет покоя. Но я не совсем призрак. Я — нечто среднее. И Рейвен обещал, что однажды я смогу уйти. По-настоящему. Не остаться тенью в этих стенах.

— А теперь? — спросил Данияр.

— А теперь я вижу, что он врёт. Как и всем остальным. — Тали перевела взгляд на меня. — Ты дала мне то, чего он не давал. Уважение. Доверие. Ты не боялась говорить со мной как с равной.

— Это не отменяет того, что ты передавала ему сведения, — сказала я.

— Не отменяет. — Тали опустила голову. — Я рассказывала ему о твоих разговорах с императором. О травах, которые ты собираешь. О том, что Эдмон боится за его жизнь.

— Ты рассказала ему про отвар? — спросила я. Сердце заколотилось.

— Нет. — Тали подняла голову. — Это я не рассказала. Потому что поняла: если он узнает состав, он сможет сделать яд, который ты не вылечишь. Я не хотела этого.

— Но ты хотела, чтобы он убил императора?

— Я хотела, чтобы кто-то наконец решил мою судьбу. — Голос Тали дрогнул. — Я устала быть пешкой. И Рейвен, и ты — вы оба используете меня. Только ты — честно. А он — нет.

В комнате повисла тишина.

Данияр медленно выдохнул.

— Ты предала нас, — сказал он. — Но ты же и предупредила Верею о яде.

Тали замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Я не спал, когда ты говорила с ней в коридоре. Стены тонкие.

— Ты всё слышал? — Я повернулась к Данияру.

— Достаточно. — Он посмотрел на Тали. — Ты предупредила её за несколько часов до того, как я выпил отравленное вино. Ты знала, что Рейвен готовит удар. И ты могла промолчать. Но не промолчала.

— Потому что не хотела твоей смерти, — тихо сказала Тали. — Странно, правда? Призрак, который не хочет чьей-то смерти. Но ты — единственный, кто помнит, как я выглядела живой. Ты назвал меня по имени. И никто больше.

Данияр закрыл глаза.

— Я помню, — сказал он. — Ты была танцовщицей. У тебя были рыжие волосы и веснушки на носу.

— Были, — прошептала Тали. — Теперь нет ничего.

Я переводила взгляд с одного на другую и чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Не доверие — нет. Что-то другое. Наивность. Уверенность, что в этом замке можно чётко разделить своих и чужих.

— Что нам делать с тобой? — спросила я.

— Не знаю, — ответила Тали. — Вы можете изгнать меня. Или убить — хотя это сложно, я уже мертва. Или оставить. И получить союзника, который знает о Рейвене больше, чем вы оба вместе.

— Ты готова работать против него? — спросил Данияр.

— У меня нет выбора. — Тали усмехнулась. — Если он узнает, что я выдала его план с ядом, он убьёт меня. Тем способом, которым убивают таких, как я. А я не хочу исчезнуть. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что вы дали мне надежду. — Тали посмотрела на меня. — Ты. Твои травы. Твоя книга. Ты говоришь с призраками как с живыми. Может быть, ты найдёшь способ отпустить нас. По-настоящему.

Я не знала, что ответить. Я не искала способов изгонять призраков. Я искала способы лечить живых. Но Тали смотрела на меня с такой мольбой, что я не смогла сказать «нет».

— Я попробую, — сказала я. — Но сначала — Рейвен.

— Сначала Рейвен, — согласилась Тали. — Я помогу. Чем смогу.

Данияр открыл глаза.

— Тогда начни с того, что расскажи всё, что знаешь. План. Союзников. Слабости.

Тали кивнула и села на пол, скрестив ноги. Прямо на каменные плиты, не боясь холода.

— Рейвен не один, — начала она. — У него есть союзники среди лордов. Трое, которые готовы выступить открыто, как только он даст сигнал. Ещё пятеро — колеблются. Ждут, кто победит.

— Имена, — сказал Данияр.

— Барон Блэквуд. Граф Олдридж. Лорд Стоун. Это открытые. Колеблющиеся — леди Мортон, лорд Эшби, сэр Рейнард, баронесса Кроу и… — Тали помедлила, — ваш бывший казначей, лорд Фарли.

— Фарли? — Данияр поморщился. — Он клялся в верности на моей коронации.

— Клятвы — это слова, — ответила Тали. — А слова забываются, когда имение закладывают за долги. Рейвен купил его долги. Теперь Фарли принадлежит ему.

— Что ещё?

— У Рейвена есть человек в личной страже императора. Тот, кто открыл дверь, когда подсыпали яд. Не мальчик Ник — он только поднос нёс. А тот, кто впустил Рейвена в малую столовую, когда император пил вино.

— Кто? — спросила я.

— Стражник по имени Корбин. Высокий, светловолосый, с родимым пятном на щеке. Он дежурил у дверей в тот вечер.

— Я знаю его, — сказал Данияр. — Он служит мне три года. Никогда не вызывал подозрений.

— Потому что он профессионал, — ответила Тали. — Рейвен нашёл его давно. Ещё до того, как Корбин поступил к вам на службу. Это была долгая игра.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь — решать. — Тали поднялась. — Вы можете арестовать Корбина. Но он ничего не скажет. Рейвен позаботился об этом. У него есть семья. Если Корбин заговорит — семья умрёт.

— Мы можем защитить его семью, — сказала я.

— Не успеете. Рейвен всегда действует на упреждение. — Тали посмотрела на Данияра. — Единственный способ выиграть — ударить первым. До того, как он соберёт армию. Пока он ждёт и надеется, что вы умрёте.

Данияр молчал. Я видела, как тяжело ему даётся каждое слово — не от слабости, от ответственности.

— Если я ударю первым без доказательств, — сказал он, — лорды назовут меня тираном. И перейдут на сторону Рейвена даже те, кто сейчас колеблется.

— А если ты умрёшь? — спросила я. — Лорды назовут тебя мучеником, но это тебя не воскресит.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Что ты предлагаешь?

— Дать Рейвену возможность проявить себя. — Я села на край кровати. — Пусть думает, что ты при смерти. Пусть собирает союзников открыто. А мы соберём доказательства. Тайно.

— Это риск, — сказал Данияр.

— Всё, что мы делаем, — риск. — Я взяла его за руку. — Но если мы ударим сейчас — мы можем промахнуться. А если подождём — он сам себя выдаст.

Тали кивнула.

— Умно. Он нетерпелив. Чем дольше император не показывается на людях, тем активнее Рейвен будет действовать. Он допустит ошибку.

— Или убьёт меня второй попыткой, — сказал Данияр.

— Поэтому ты будешь делать вид, что при смерти, — ответила я. — А на самом деле — восстанавливаться. Быстро.

Он усмехнулся. Слабо, но впервые за несколько дней — искренне.

— Ты командуешь мной, Верея.

— Кто-то должен.

Он сжал мои пальцы.

— Хорошо. Делаем по-твоему. Но если Рейвен приблизится к тебе — я убью его. Без суда и следствия.

— Договорились.

Тали стояла у двери, смотрела на нас.

— Вы странная пара, — сказала она. — Но, может быть, именно такая и нужна этому проклятому замку.

Она вышла.

Я осталась у постели Данияра, держа его за руку.

За окном светало. Снегопад кончился, и в сером рассветном небе проступили первые облака.

— Ты веришь ей? — спросил Данияр.

— Не знаю. — Я вздохнула. — Но у нас нет выбора. Мы должны кому-то верить.

— Или не должны. — Он закрыл глаза.

— Ложись спать, — сказала я. — Завтра будет тяжёлый день.

— Завтра будет тяжёлая жизнь, — поправил он.

Я не стала спорить.

***

Утром пришёл Дориан.

Вид у него был такой, будто он не спал несколько суток. Под глазами — синяки, на скуле — свежая царапина.

— Ты где был? — спросила я.

— Искал Корбина. — Он сел на стул, даже не спросив разрешения. — Не нашёл. Испарился.

— Сбежал?

— Или его убрали. — Дориан потер лицо ладонями. — Его комната пуста. Вещи на месте, но нет ни его, ни оружия, ни денег. Ушёл в спешке.

— Тали предупреждала, — сказал Данияр.

— Тали? — Дориан поднял бровь. — Теперь мы слушаем Тали?

— Она работает на нас, — ответила я.

— Или делает вид.

— Или делает вид, — согласилась я. — Но пока она единственная, кто даёт нам имена.

Дориан посмотрел на меня, потом на Данияра.

— Если она нас предаст — я убью её сам. Несмотря на то, что она уже мертва.

— Договорились, — сказал Данияр. — А теперь — докладывай. Кто ещё из стражников может быть замешан?

— Я проверил всех, кто был в ту ночь на дежурстве. Корбин — единственный, кто исчез. Остальные на месте. Я допросил каждого. Никто ничего не видел.

— Или видели, но молчат, — сказала я.

— Или молчат, — кивнул Дориан. — Но я найду, на ком они держат страх. Семья, долги, тайны — у каждого есть рычаг. И я эти рычаги найду.

Он встал, кивнул Данияру и вышел.

Я смотрела ему вслед.

— Хороший солдат, — сказал Данияр.

— Верный.

— Верность — редкий товар в этом замке. — Он помолчал. — Цени его.

— Ценю. — Я повернулась к нему. — А теперь — будешь завтракать. Бульон, хлеб, чай.

— Ты командуешь мной, — повторил он.

— Кто-то должен, — повторила я.

На этот раз он улыбнулся чуть шире.

***

День прошёл в хлопотах.

Я навестила мальчика Ника — он сидел в комнате при конюшне, бледный, но живой. Дориан приставил к нему старого конюха, который обещал, что никто не войдёт.

— Не бойся, — сказала я. — Скоро всё закончится.

— А если нет? — спросил Ник.

— Тогда я придумаю что-то ещё.

Он кивнул, но в глазах остался страх. Детский, ненаивный — такой, который не проходит от обещаний.

Я вернулась в спальню императора.

Данияр сидел в кровати, листал письма. Я села рядом, взяла одно из них — от леди Мортон, той самой, что колебалась.

— Что пишет?

— Спрашивает о моём здоровье. Предлагает прислать своего лекаря. — Он усмехнулся. — И намекает, что если я умру, она поддержит Рейвена. Но только если он пообещает сохранить её земли.

— Дрянь, — сказала я.

— Политика, — поправил он.

— Одно и то же.

Он отложил письмо.

— Ты сегодня злая.

— Я сегодня не выспалась.

— Врёшь. — Он посмотрел на меня внимательно. — Ты боишься. Боишься, что Тали обманывает. Что Рейвен уже знает о нашем плане. Что мы проиграем.

Я промолчала. Потому что он был прав.

— Я тоже боюсь, — сказал он тихо. — Но страх не должен мешать действовать.

— Ты прав, — сказала я. — Просто… иногда я смотрю на тебя и думаю: как ты не сошёл с ума? Столько лет, столько потерь, призраки за стеной, предатели среди своих.

Он взял мою руку.

— Потому что я — император. У меня нет права сходить с ума.

— А если бы не был императором?

— Тогда я бы, наверное, умер давным-давно. — Он посмотрел мне в глаза. — Скучал бы по тем, кого по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.